

Андрей Борисович Зубов

История Русской Церкви

Оглавление

Православная Церковь домонгольской Руси	2
Православная Русская Церковь в XIII-первой половине XV века	13
Церковь в московском государстве вторая половина XV-начало XVII века	24
Церковь в России в XVIII–XIX вв.	34
Русская церковь в XX веке	46

Пять лекций в МГИМО Андрея Зубова по истории русской Церкви. Зубов описывает предмет своих лекций: «Когда мы говорим о Церкви возникают представления: „здание“, „организация“. Это не Церковь. Церковь — экклеcия, сообщество верующих. У нее есть конечно здания, какая-то структура. Но мы будем говорить о верующих, о жизни сообщества верующих страны, которая сейчас называется „Россия“».

Данная книга — расшифровка лекций, размещенный здесь —

<http://predanie.ru/zubov-andrey-borisovich/istoriya-russkoy-cerkvi-1/#/audio/>

Православная Церковь домонгольской Руси

Добрый день! Итак, сегодня, дорогие друзья, мы с вами начинаем небольшой курс, который будет состоять из 5 лекций. Он посвящен истории русской церкви. Наша первая лекция — это история церкви домонгольской Руси.

Когда мы говорим о церкви, у людей простых возникает представление о постройке, о здании. У людей более искушенных возникает представление о церковной организации, о том, что это какая-то структура с патриархом или митрополитом, епископами. Но не это Церковь. Церковь — это экклесия, это сообщество верующих людей, которое как-то организовано в ту или иную структуру, которое естественно имеет молитвенные здания для собрания. А может их и не иметь и собираться где есть возможность. В первую очередь мы будем говорить именно об этом, о сообществе верующих людей. О вере и организации жизни и строе жизни верующего христианского сообщества той страны, которая сейчас называется Россией.

Верующие христиане на Руси появляются довольно рано. Они появляются, по всей видимости, в 8–9 веке. И это не странно, потому что это 8–9 век после Рождества Христова. С юга, с запада Русь уже всё больше окружена христианскими обществами: к югу от Руси Византия, к западу — Священная Римская Империя Германской нации, полностью христианская уже с 6–7 века. Так что анклав языческих сообществ в Европе становится сравнительно небольшим. Это славянские земли к северу от Дуная, это Карпаты, это Рудные горы Чехии, то, что мы сейчас называем Польшей, побережье Балтийского моря и Скандинавия. К этому же нехристианизированному району принадлежат и области Руси. Когда мы говорим о христианизации, мы должны, конечно, представить, а что было до этого. Обычно книги, которые вас знакомят с историей русской церкви... Среди таких наиболее качественных книг я рекомендую книгу нашего замечательного историка Антона Карташова «Очерки по истории русской церкви» в двух томах с древнейших времен до императора Павла I, дальше он не успел написать — умер. Это прекрасная книга, написанная уже в русской эмиграции в 50-х годах 20 века, то есть с использованием современных источников. Можно взять последнюю главу маленькой книги отца А.Шмемана, которая посвящена истории русской церкви. Но как бы там ни было, когда начинается речь об истории русской церкви, конечно, надо сказать о том, что было до этого, на какой субстрат легла христианская проповедь. И беда заключается в том, что этот субстрат специалисты по русской церкви знают, как правило, плохо, представляют плохо и говорят скороговоркой. Это неслучайно. Дело в том, что знания о русском и шире, славянском, язычестве у нас очень фрагментарные, их очень мало. Пожалуй, самая солидная книга по истории русского и славянского язычества это книги академика Рыбакова, который сам очень симпатизировал дохристианскому славянскому язычеству на Руси. Одна книга, здоровенный том, это «Вера древних славян», и вторая — «Вера древней Руси». Он собрал практически всё, он собрал все источники, однако это немного.

Но для нас важен один принцип, который вывели исследователи дохристианского состояния общества. Это то, что вера была, если угодно, родовой. Это не была организованная религиозная вера государственного народа наподобие, скажем, дохристианской веры Греции, Рима, Египта, Вавилонии. Это была вера народа, живущего самой простой сельской жизнью. Как правило, были небольшие родовые святилища, может быть, одно-два-три крупных племенных языческих святилища. Одно из таких крупных святилищ известно на острове Рюген, это сейчас граница нынешних Польши и Германии. Второе известное крупное святилище, имевшее племенное значение, это холм Перынь, знаменитый Перыньский скит под Великим Новгородом. Были, наверно, и другие такие центры. Говорят, что одним из центров язычества, памятников никаких не сохранилось, было на территории города Ростова Великого, на территории Ярославской ныне области, города, который имел дохристианское существование именно как религиозный центр.

Обычно ученые, которые говорят о русском язычестве, забывают, что духовное состояние народа, которое описывается как русское язычество, не изначальное. Это забывается всегда. Я ни у Карташова, ни у Шмемана не читал, что на самом деле это вторичная религиозная деградация славянского сообщества. Дело в том, что, мы знаем очень хорошо, славяне и балты принадлежат к индоевропейским народам, а индоевропейская древнейшая религиозность нам известна по памятнику, сохранившемуся на территории нынешней Индии. Это ведически комплекс, Веды, Ригведа, Самаведа, Яджурведа, позднее в Индии добавилась Адхарваведа — это четвертая веда. Но самые ранние Веды и, видимо, большая часть корпуса Ригведы составлены не в Индии. По целому ряду моментов, о которых здесь нет места говорить, можно сказать, что они были составлены в месте прародины ариев. Большинство ученых, хотя споры существуют, прародиной ариев именуют пространство между Вислой и Уралом, т. е. это территория лесостепной и степной зоны нынешней южной России и Украины.

На этой территории существовала религиозная система абсолютно иная, чем та, которую застала христианизация Руси. Это была система с единым Богом — Аджа — нерожденным Богом. Главной идеей была борьба сил зла и сил добра. И человек должен стать на поле боя на стороне сил добра против сил зла, на стороне адитьев против дасьев. И ритуал был той формой, в которой эта битва шла для каждого человека правильным образом. Задача была не столько стяжать что-то благодаря религии, как наивно полагают многие люди, что в древности религия была формой получить что-то: здоровье, богатство, успех на работе, хороший урожай. А задача религии была, если говорить об индоарийской религии, это правильно занять место в борьбе добра со злом, и отказаться при этом от плодов этой своей позиции: не мне, но Агни, то есть тому жертвенному огню, который приносился Богу.

Абсолютно противоположную форму застаем мы в период, когда христианство на пороге Руси. В это время о религии мыслят совершенно иначе. Религия — это средство организации земной жизни, средство достижения некоторых земных целей, тех самых, которых я только что говорил — богатство, здоровье, успехи, власть, всё что угодно. Религия помогает жизни здесь, она ничего не обеспечивает для человека в вечности. И вообще, о вечности думают мало в это время. Религия это родовая религия, это род, предки.

Что же произошло за эти три тысячи лет? Почему так изменилось религиозное сознание от ведического к позднейязыческому сознанию дохристианской Руси? Произошла обычная подмена, которая часто происходит в религии. Дело в том, что служить высокой цели, не думая о собственных благах, достоинствах, это трудно и тяжело. Это требует настоящего духовного подвига. Быть идеалистом в высшем смысле этого слова. Намного легче жить для себя и религию использовать для себя. Когда эта подмена происходит, тогда исчезает стремление к совершенству. Потому что стремление к совершенству — это на самом деле стремление к соединению с Совершенным Богом. Но если теряется стремление к совершенству, уже нет желания соединиться с совершенным Богом, да и есть понимание, что ты не совершенен, то человек, наоборот, на себя ориентирует жизнь. Это особенность любого язычества. Тогда на место ритуала приходит обычное банальное колдовство, когда человек стремится с помощью определенных заговоров заклинаний подчинить себе духов и с их помощью решить свои проблемы. Эта форма религиозной жизни сейчас у ученых получила название шаманизма, и то, что было на Руси, в славянском ареале в предхристианскую эпоху, это, безусловно, одна из форм шаманизма. Никакой принципиальной разницы между сибирским и тувинском шаманизмом и славянским шаманизмом 7–8 веков после Р.Х. нет.

И вот это поле мы называем Русью. Это достаточно условное, и я бы даже сказал, неправильное понятие. Сами древние летописцы, как русские, так и византийские, очень четко разделяли славянское и русское. В Повести временных лет прямо говорится, что русь — это прибывшие в славянские земли варяги, скандинавы. А до этого земля называлась славянской или словенской. Интересно, что племя,

которое сохранила имя словене, это племя, жившее вокруг Волхова и по берегам Ильменя, это будущая новгородская область. Русь — это варяжское наименование, и для будущего значения христианства в домонгольской Руси, очень важно понять, что произошло с русью в 9 и 10 веках.

Повесть временных лет говорит о том, что с давних времен, с 8 века, Русь управлялась двумя сообществами, вне её находящимися и славянские земли Европы разделившими. Юг и юго-восточную часть славянского сообщества, включая Киев и Чернигов, Ополье, Полесье, Северскую землю контролировал Хазарский каганат. Северную и западную часть, нынешние земли Белоруссии, Пскова, Новгорода, до Вятки и Ростова контролировали варяги.

Хазарский каганат — это тюркское сообщество, сформировавшееся в начале 8 века и в конце 8 века создавшее государство, причем религиозными системами государства были ислам и иудаизм. Значительная часть знати и правители, каганы (отсюда распространенная еврейская фамилия Коган), были иудаистами. Часть хазар были мусульманами. Варяги были 100 % язычниками. Они разделили между собой Русь и её эксплуатировали.

Варяги именовали Русь Гардарики — страной городов, казалось бы. И многие любящие Россию люди говорят, какая развитая была наша страна, её называли в скандинавских сага Гардарики. Это двойная ошибка: и филологическая, и историческая. Филологически, гардр — это не город, город — это бург. Гардр — это огороженный двор, отсюда наше слово городить, старый индоевропейский корень. Это что-то обнесенное частоколом. С точки зрения исторической, на Руси никаких городов не было. Было два-три протогородских славянских поселения. Киев, который по преданию основали славянские князья Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь, Чернигов, возможно, Ростов. Но уже не Новгород, который был основан позже. Городов было очень мало, и норманнов, скандинавов, которые в это время плавали вокруг всей Европы и завоевывали земли по всей Европе — отсюда Нормандия, Англия была завоевана, Сицилию и южную Италию, постоянно пытались завоевать южную Испанию. Норманнская наемная дружина была личной охраной византийского императора. Для них был известен мир городской культуры, поэтому Русь их городами поразить не могла. Поразила другим. В отличие от остальной Европы, на Руси видимо каждое поселение, каждый хутор были частоколом отгорожены друг от друга. Мы и сейчас с вами знаем, когда едем по Европе, мы не видим заборов. Приезжаем в Россию — каждый дачный поселок это сплошные заборы. Забор — это, видимо, особенность русского менталитета, начинается она давно, намного раньше, чем история 19 или 20 века.

В чем же дело? Причина экономическая. На Руси главным объектом торговли, кроме известных лесных даров, воска, меда мехов, были рабы. Рабы были большей частью не чужие, откуда их там взять. Рабы были свои, в этом самая страшная беда, захватывали друг у друга людей и продавали их на невольничьих рынка. Есть подозрения, что Киев возник как перекупочный невольничий рынок. На невольничьих рынка продавали хазарам, и через них на передний восток, грекам-византийцам и на Западную Европу. Это настолько было распространенное явление, что слова обозначающие рабов в греческом и латинском изменились. Древнегреческое слово для раба это дулос, отсюда иеродулос — священная рабыня, теперь это эсклавос, славянин. Древнелатинское сервус, теперь в английском слэйв, французское эсклавос, это славянин. Это имеет прямое отношение к нашей проблеме. Дело в том, что завоевав с юга и севера Русь новые владыки продавали славян не сами их отлавливая, а отлавливали, как и в Африке негров во время работорговли, местные князьки и отдавали в качестве дани варягам и хазарам, которые отвозили их на невольничьи рынки.

В какой-то момент возмутились русские люди, не захотели больше платить эти тяжкие подати, и произошло восстание, и изгнали варягов за море. И начали править сами, но не смогли, потому что была огромная неправда между ними. Позвали варягов, второе пришествие варягов связано с именем Рюрика происходит на Руси, но это языческое призвание. После этого образуется как бы два

сообщества. С одной стороны варяжское сообщество и примкнувшие к нему несколько племенных вождей, которые даже норманизируются специально, принимают варяжские имена. И огромно податное население, которое испытывает огромную муку от постоянного насилия со стороны варягов и собственных мелких славянских и угро-финских князьков. Не забудем, что это не только славянская равнина, вместе с ними там живут балты, литовцы, ятвяги, пруссы, леты, угро-финские народы, меря, весь и многие другие. Это сообщество, таким образом, эксплуатируется, и славянами с другими народами не любу эти завоеватели. Они их пытаются сбросить. Одна из летописей сохранила упоминание о храбром Вадиме, который в Новгороде устроил заговор против варягов, но заговор был неудачным, их казнили. И никаких перспектив дальнейшего существования органического на Руси не было. Несколько варяжских крепостей, эксплуатация населения, полное отсутствие культурной жизни.

Надо сказать, что Хазарский каганат был чуть получше, хазары, по крайней мере, сами многое производили, там была большая ремесленная культура. Южные земли Руси жили лучше, северным было совсем плохо, - варяги ничего не производили, они только грабили — это была их норма жизни — продавали награбленное. В худшем случае, когда уж совсем нечего грабить, нанимались сами в дружины к тем или иным правителям. Это был путь тупиковый.

В этой ситуации мы видим первые ростки христианства. По преданию, еще до изгнания варягов, варяги первого круга, которые выгнали хазар из Киева, **Аскольд и Дир**, по преданию, уже Аскольд был христианином. Среди потомков Рюрика, мы знаем, что жена Игоря, видимо, славянская девушка из Пскова, кривичка по племени, принявшая варяжское имя **Хельга-Ольга** (модно было быть варягом, например, мать князя Владимира, которую полоцкая княгиня Рогнеда, варяжка, уничижительно называет рабыней Малушей, сама себя именуя Марфедой — вот этот двойной мир)... так вот Ольга крестится, неизвестно где, скорей всего на Руси, не в Константинополе, но не исключено, что в болгарских землях, которые в то время были уже христианизированы. Интересно, что в середине 10 века в дружине князя Игоря половина воинов, которые безобразно напали на Византию и разграбили перед К-полем, обычные норманские бесчинства, среди них были и славяне, но возглавляемые норманнами. Потом заключили торговый договор, ведь надо торговать, разграбить-то хорошо, но потом куда-то надо сбывать рабов и воск, значит, надо заключать торговый договор. В торговом договоре половина клянется старыми языческими богами, а половина целует крест в церкви св. Илии. Сын Ольги и Игоря **Святослав** — мать просит его креститься — говорит: «Не могу, надо мной дружина будет смеяться». То есть мы видим это отношение, дружина живет обычным старым, бандитским, языческим в том смысле, что всё для меня, религия для меня, молиться, чтобы удачней совершить воровской поход. О каком крещении может идти речь?

Мы видим, что количество христиан растет. Сын Святослава **Владимир**, когда берет киевский престол, вообще, человек очень яркий, совсем молодой, ему 20 лет, он совершенно безумно одержим сексуально, потому что этот молодой человек женщину за женщиной захватывает себе в полон. И не просто каких-то, он у своего родственника полоцкого князя захватывает дочь Рогнеду, убивая отца, мать и двух братьев. Он убивает своего брата Ярополка, чтобы завладеть и киевским престолом, и его женой. Его жена тоже своеобразное существо, это греческая монахиня, взятая в полон и к тому времени беременная. От этого странного союза, по всей видимости, и рождается тот самый Святополк, который потом в 1015 году убьет Бориса и Глеба. И по рассказам, сохраненным и русскими, и западными летописями о Владимире или Вольдемаре, как его зовут на западе, Вольдемар — просто скандинавский князь, у него 800 наложниц, которые частью в Киеве, частью в его загородной резиденции Берестове. Такой же строй жизни и у его дружины, в основном варяжской, но отчасти и славянской. А варяжскую он просто нанимает, это его друзья, родственники, нанятые воины постоянно приезжают из Скандинавии, чтобы контролировать эту богатую землю.

То есть это, в общем, бандитское сообщество. Арабские путешественники говорят, что русь, имеется в виду варяги, постоянно ходят с копьями, потому что если у одного немного больше имущества, чем у другого, его тут же попытаются убить, чтобы отнять и поделить его имущество между собой. То есть это абсолютно больное сообщество. И вот в этой ситуации с князем Владимиром, который себя именуется каганом, происходит удивительное преобразование. Он становится христианином примерно в 30 лет. Очень любили в советское время, да и до революции Карамзин, говорить о сложных политических расчетах Владимира. На самом деле, я думаю, ситуация намного сложнее, и намного менее политически расчетлива. Мы должны представить себе этот восточный кусок Европы, еще не христианизированный. В это время происходит стремительная христианизация этого медвежьего угла Европы. В 966 году ляхский князь, будущий король поляков Мешко Первый, крестит повислинские племена и очень быстро создает большое польское государство почти в современных границах. В 987 году венгерский король Штефан крестит Венгрию. Не забудем, что Венгрия — это степняки, это угры, гунны, которые пришли с Востока и поселились на этих больших и удобных для коневодства степях вокруг Болотона. Они крестятся в 987 году. В 993–995 гг. просто близкий родственник Владимира Олав Трюгвасон крестил Норвегию и Швецию, варягов, норманнов. Это было модно, но что значит модно?

Крещение было связано с несколькими очень важными моментами. С принципиальным обязательным изменением точки зрения на всю свою жизнь и на всю свою власть, коль речь идет о королях и князьях. Ты не должен был уже жить для себя, но для Бога и ближнего. Миссионеры из Рима или из К-поля или Болгарии учили тому, что любовь — по тому узнают, что вы ученики Мои, что имеет любовь между собой — если ты Бога любишь, а брата своего (в широком смысле слова, любого человека) не любишь, гонишь, то какой ты христианин? К этому относились очень строго. Вновь крещеным князьям и их окружению нужно было изменить брачные законы, а ведь это нелегко. Представьте себе, что такое разнузданность в этой сфере, бесконечная разнузданность. Полная смена парадигмы после крещения. Надо было изменить отношение к подданным. Если до этого варяги занимались тем, что продавали славяне финнов в рабство, то теперь надо выкупить своих граждан, которых во время войны или набегов захватили другие государства. Не продавать, а выкупать. Если раньше было совершенно наплевать, как живут люди, которые обложены твоей податью. Варяги отличались тем, что они годовую подать два или три раза в год собирали, разоряя народ дотла. Теперь надо было заботиться о нищих, убогих, больных.

Если Владимир еще неграмотен, и король Мешко тоже, то теперь уже не только их детям, но и широкому кругу людей надо было давать образование. А как иначе? Иначе не сможешь читать священных книг, не сможешь просвещаться. Абсолютно меняется парадигма. Люди которые идут на христианизацию, понимают, что не должно быть никакого фарисейства, этого никто не допустит — ни Рим, ни Константинополь. Епископы приезжают не свои, приезжают греки, приезжают немцы, итальянцы, и они строги. Поэтому не до моды тут. По моде хорошо бы ради собственной услады держаться старых верований. До сих пор у нас немало людей, которые вздыхают по древнему язычеству, оно приятно, оно позволяет человеку приятно жить. А тут надо менять весь свой быт, и мы знаем, что как раз Владимир резко изменяет свою жизнь. Остальные тоже: и Олав Трюгвасон считается сейчас святым Скандинавии, таким же крестителем Скандинавии, как и Владимир на Руси, и Мешко очень почитается поляками, и король Штефан почитается венграми. Эти люди не в шутку стали христианами и не ради какого-то политического соображения.

Летопись сохранила, что Владимир выбирает веру. Об этом любят говорить, и особенно любят говорить, что Владимир отверг ислам, потому что на Руси, по его словам, питье веселие есть. Но забывают, что выбор был намного серьезнее, совсем не о питии и не о еде на самом деле шла речь. Дело в том, что выбор между исламом и христианством для Владимира означал в том контексте выбор между Европой и Востоком. Восток — это Хазарский каганат, разбитый его отцом Святославом.

который завоевал Белую Вежу и выгнал хазар из Руси. И принятие ислама или иудаизма означало возвращение вот в этот хазарский культурный пласт. Для викинга, у которого уже масса родственников или уже крестились, или собираются, для него этой альтернативы уже не было. Он был ориентирован на западный мир. Оставалось христианство. Какое христианство выбрать — латинское или греческое? Мы не должны забывать, что идет конец 10 века. Если мы посмотрим в это время на западную Европу, мы увидим, что она начинает подниматься и расцветать, это каролингское возрождение. Но на чем она поднимается и расцветает? На рецепции византийского богословия. В это время, 10–11 век, это время пробуждения новых мистических тенденций и в западной, и в восточной Европе, но импульс идет из Византии. Переводится Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник — все греческие авторы. Целая школа философская того времени создается в западной Европе на греческих авторах. Константинополь, безусловно, столица мира, безусловный культурный центра тогда, на порядки более развитый культурно, единственный сохранивший живую преемственность с античной дохристианской традицией, с традицией древней римской империей, которой пытаются подражать Каролинги, создавая Римскую Империю Германской нации, но это именно подражание.

Владимир делает судьбоносный выбор, который так будет осуждать потом Чаадаев, он делает выбор между культурным центром и культурной периферией в пользу культурного центра. Хотя Византийская империя тогда переживает не лучший момент своей политической жизни. Её теснят арабы, она потеряла уже свои огромные владения в Египте, Палестине, Сирии. Это период непростой, но и для Западной Европы он непростой. Арабы теснят и в Западной Европе, реконкиста не началась, идет только высадка арабов на Пиренейском полуострове. Всюду плохо, но культурно Византия тогда центр во всех вопросах: в области богословия, искусства, литературы, в области политического устройства. И Владимир делает выбор в пользу Византии, это великий выбор тогда. Нам в дальнейших лекциях понадобится об этом вспомнить, потому что не всякий выбор был правильным в истории России, но это выбор был тогда, именно тогда, не в смысле вот сейчас мы православные, какой восторг, именно тогда он был очень правильным.

Мы видим как меняется вся жизнь Руси. Мы видим, что сам Владимир женится на византийской принцессе Анне, оставляет свой гарем. Не знаю, куда он девается, но к его услугам он больше не прибегает. Владимир даже решает прекратить наказывать преступников, потому что мы все грешники, все недостойны, и новое греческое духовенство его убеждает, что этого не надо делать, потому что задача правителя защищать людей честных и наказывать, исправлять через наказание или по крайней мере оберегать людей честных, отделяя от них людей нечестных. Надо сказать, что до этого варяжский закон для славянских земель, т. н. Русская правда, то есть правда, данная руссами, варягами славянским землям. Она вводила нормы защиты, не было казней, не было членовредительных наказаний. Было одно, но для варяга очень любимое, деньги. За любое преступление полагалась не просто компенсация пострадавшему, но и огромный денежный штраф в пользу казны. Это было самое главное. Например, за убийство обычного славянина, не княжьего человека, полагалось 40 гривен серебра штраф в пользу казны (это примерно 10 кг) и всего лишь в зависимости от положения убитого от 20 до 5 компенсация его семье. Самое главное получить деньги. Самое страшное наказание, которое знала Русская правда, это за поджог и конокрадство, это продажа семьи и собственности преступника с молотка в рабы — опять же деньги. Все мыслилось в этих категориях.

Теперь Владимир меняет форму. Убежденный духовенством, он вводит наказания за преступления в первую очередь предусматривающие возможность исправления преступника, но и защиту того человека, который нуждается в ней. Киев, а потом и другие города Руси покрываются сетью домов призрения, заведений, где нищие, голодные, убогие, больные получают лечение, кров и еду. Раздачи пищи народу. Образовательная система. Внук Владимира Всеволод, сын Ярослава, владел 5 иностранными языками, собирает огромную библиотеку. Ярослав Мудрый уже очень

образованный человек, хотя сам Владимир безграмотный. То есть взрывообразный рост культуры. Строительство храмов. При пожаре в Киеве при Ярославе погибают 60 церквей, значит, сколько их было уже к тому времени. Этот процесс изменения имеет ярко выраженный политический характер. Я уже сказал о выкупе пленных, но не только это. Меняется отношение к гражданскому населению. Мы не знаем, как это было раньше. Может, это когда-то было, но городов не было. Теперь и города, и села управляются местным самоуправлением. Всюду появляется вече, то есть князь правит вместе с народом, вместе с вече. Да княжеская власть сохраняется, да это власть варяжских князей, да она передается по наследству в родстве Рюрика, но уже народ принимает участие в управление, он часть властной системы. Это новость.

Второе. Новые законы, законы Ярослава, говорят о частном землевладении общины, а на север, в Новгороде, Пскове и своеземцы — частное, частнособственническое владение одного человека или одной семьи на землю. Земля, которая по традиции варягов-язычников всегда считалась собственностью князя вся, поэтому свободные людины превращались в арендаторов. Теперь земля возвращается, они опять собственники земли. А вы понимаете, что на самом деле собственность для обыденной жизни самое главное. Если ты возвращаешь собственность и отказываешься от гарема, значит, ты действительно серьезно изменился. Легко говорить и даже свечку зажечь и постоять с ней в храме. Трудно вот эти вещи сделать: область собственности и область физических утех — это самые трудно преодолеваемые вещи для обычного человека. И мы видим здесь преобразование.

Обращаясь к усопшему князю Владимиру, говоря перед лицом Ярослава митрополит Илларион Киевский в своем известном послании говорит: «Встань, — говорит он Владимиру, — взгляни на чашо свое Ярослава, взгляни на род свой, взгляни на украшающего престол земли твоей и возрадуйся и возвеселися. К тому же взгляни на сноху твою Ирину, взгляни на внуков твоих и правнуков, как живут они, как хранимы они Господом, как благоверие держат по завету твоему, как в святые церкви часто ходят, как славят Христа, как поклоняются имени Его. Взгляни же и на град Киев величием сияющий, взгляни на церкви процветающие, взгляни на христианство возрастающее, взгляни на град, иконами святых освещаемый и блистающий и фимиамом благоухающий и хвалами и божественными именами и песнопениями оглашаемый».

Конечно, это панегирик, но если бы это была абсолютная ложь, народ бы рассмеялся. В этом есть своя правда. Страна расцветает, становится гражданским обществом. Она принята теперь в сообщество европейских народов и государств. До этого нехристианская Русь была просто полем разбоя для варягов, полем воровства для хазар, поле взаимного разбоя славян и финнов, а теперь она становится часть христианского европейского мира. Уже Владимир женится на византийской принцессе. Уже все дети Ярослава женятся или выходят замуж за видных деятелей западного мира, а сам Ярослав женится на Индигерде, дочери Олава Святого. Не буду перечислять, здесь и Франция, и Норвегия, и Польша, например, дочь Владимира Анна выходит замуж за короля Казимира, христианского короля Польши. Сын Ярослава Изяслав женился на сестре Трирского епископа Бурхарда. То есть Русь становится частью общего христианского европейского мира вполне. Тем более что разделение церквей, которое формально произошло в 11 веке, реально произошло только в 13 веке во время завоевания крестоносцами Константинополя. До этого мир не сознавал этого разделения. Это был спор богословов, спор Папы и К-польского Патриарха. Простой народ считал себя единым христианским миром, даже на уровне королей и царей. Никаких проблем не возникало.

Но произошла еще одна вещь, и об этом мы плохо знаем и мало говорим. Дело в том, что христианство пришло на Русь в облики славянского языка. Христианство это письменная религия, она немислима без Евангелия, без богослужения, без последований литургии, она не мыслима без массы текстов. Эти тексты были уже до Руси переведены на южнославянский язык, очень мало отличающийся от русского литературного языка, это староболгарский язык, как вы знаете, братьями Кириллом и Мефодием. И на Русь пришло христианство в славянском облики. У варягов не было

письменности тогда и не было своего скандинавского христианского текста, потому что даже христианизация варягов через Рим шла на латинском, а не на норманнском языке. У угро-финских племен тем более не было христианского священного писания на своем языке. Поэтому всё сообщество людей, живших на восточнославянской равнине, будь то балты, славяне, варяги и угро-фины, все служили по-славянски, все читали писание на славянском языке, все читали жития святых по-славянски, все учили грамоту, чтобы читать и христианские, и, скажем, переводные греческие тексты, все учили славянскую грамоту. Потом уже учили греческий, латынь, это уже высший пилотаж. Но 95 % учили именно славянский язык. Поэтому на базе единого славянского языка, который возник из славянского христианского богослужения, возникло новый народ, который называется русским народом и который соединил в себе до этого несоединимые части, языки варягов, финнов, балтов и различные говоры славянских племен, очень сильно отличавшиеся. Полесье, Ополье, говоры Мещеры — они ушли из культурного поля. Они остались на уровне местного говора, но язык культурный стал один, это русско-славянский язык. На нем написаны законы, на него переводятся тексты, на нем говорятся проповеди, это живой язык. Вот благодаря христианству в этой форме, кирилло-мефодиевской византийской форме, благодаря этому формируется русский народ как народ, уже не русь как норманны, а русский народ как соединение огромного культурного поля, куда входят даже многие тюркские народы с юго-востока прилежащие к этой славянской общности. Вот это большое очень поле формируется многоплеменной, на уровне народных говоров различный, но на уровне культурной речи единый русский народ. Это тоже очень важное явление христианизации.

То, что мы застали в 18–19 веке — неграмотный народ — вы знаете, что на Руси в начале 19 века грамотными было где-то 5 % населения, среди крестьян не больше 1–1,2 %. Это полная катастрофа. В то время в Германии уже была 100 % грамотность. Но так было не всегда. Именно то, что христианство пришло в кирилло-мефодиевой форме, на своем, пусть не совсем своем, конечно, церковнославянский язык был совсем не разговорный язык, но он был похож, он был понятный, его легче было учить, чем, скажем, латынь. Из-за того, что он пришел в такой форме, его легче было учить простым людям, чтобы читать Писание, чтобы понимать богослужение в церкви. Поэтому общество в Древней Руси стало, не скажу всеобщее, но широко грамотно. Долгое время это была чистая теория. Открытие Арциховским и Яниным берестяных грамот сначала в Новгороде, потом в Старой Руссе, в Смоленске показало, что народ был действительно грамотным, что простых детей учили грамоте, что женщины и мужчины из простых семей переписывались, что люди писали друг другу с ошибками, на словенском говоре славянского языка, но любовные записки самые обычные, которые юноши и девушки всегда писали друг другу пока не стали ВКонтакте работать. Это была широкая грамотность, чего не было на Западе, потому что латинский язык требовал особого к себе отношения, и крестьянин и даже дворянин и даже король не всегда могли его выучить — сложный, разработанный язык. Поэтому грамотность на Западе долгое время оставалась уделом монастыря и с 12 века университета, а на Руси она была грамотностью народа. Это, конечно, важная особенность.

Этот панегирик был бы слишком хорош, если не сказать о другой стороне. Во-первых, уровень того же князя Владимира, конечно, не был уровнем каждого. Христианство было встречено по-разному. Одни встретили его с большим энтузиазмом, потому что и раньше уже втайне исповедовали христианство, но боялись сказать об этом, потому что христиан преследовали и даже убивали. Скажем, в 983 году разгневанная толпа киевского народа убила двух христиан, отца и сына, Фёдора и Иоанна, варягов. Федор — это, видимо, Отар или Тор, Иоанн — христианское имя сына. Отец отказался отдавать сына в жертву, а детей отбирали в жертву идолам, считалось, что это очень хорошо. Их в итоге убили. То есть, многие христиане скрывали свое христианство, особенно простые люди. Теперь они могли выйти на поверхность и возрадоваться.

Многие, в общем, симпатизировали, особенно горожане, христианству, слышали о нем от купцов и проповедников, поэтому восприняли христианство достаточно положительно. Но многие

восприняли его отрицательно. Дело в том, что человек привык жить в своем шаманском удобном мире и не хотел менять свою жизнь, не хотел менять свой уклад. Так было проще и легче, да и страшно было менять. Ведь на самом деле изменение уклада — это предательство старых богов, и шаманы 19 века говорили, когда обращались в христианство: «Я, конечно, христианин, но я тебе», — говорили они ученому, — «ничего о моей старой вере не расскажу. Как обозлятся мои старые боги, когда узнают, что я их предал не только тем, что я перешел в твою веру, но что я еще и их тайны тебе раскрыл». Двоеверие устанавливается на Руси как абсолютная реальность. Слово двоеверие — это не выдумка ученых 19 века, это старое русское славянское слово, которое используют в летописях для того, чтобы описать состояние умов многих людей. Они приходили в церковь, они молились, они просили Христа и Богородицу, но при этом они воспринимали Христа и Богородицу как самых сильных богов, а есть еще боги овина, болота, ручья, есть боги, защищающие от болезни, есть прашуры, т. е. предки, которые защищают потомков и т. д. и т. д. И нельзя их забывать! Есть домовый, есть леший и всё прочее.

Вот этот мир двоеверия надолго сохранился. С ним связан еще один момент. Дело в том, что шаманизм, выросший из разрушившейся ритуальной религии, сохраняет очень твердое понимание того, что можно и что нельзя в отношении того или иного духа. Каждый дух требует своих жертв, своей пищи, своего обряда, потому что когда-то так было в древнем ритуале. Об этом можно много говорить, ритуал этот было совсем не шаманский, но он тоже был фиксированный, поскольку мы же не знаем, как в мире богов, и поэтому как открылось провидцам, так и надо было совершать ритуал до мелочей. В ведическом ритуале нарушение любой мелочи было катастрофичным, поэтому был специальный, самый главный участник ритуала брахман, который сам ничего не делал и наблюдал только за тем, как соблюдается священнодействие, чинопоследование ритуала.

С этим пониманием славянские, не забудем, что норманны — это тоже потомки индоариев, и в норманнских сагах намного больше остатков древней ведической религии, чем даже в славянских преданиях. Так вот с этим сознанием люди вошли в христианство. Они восприняли христианство не как неслыханную свободу — где Дух Господень, там свобода. Не как освобождение от закона рабства — вы не под законом, вы в благодати, говорит апостол Павел. А наоборот, как новую форму почитания сильных божеств, где нельзя ничего нарушать. Мы видим по массе тогдашних вопрошаний, причем даже священников, сохранились такие вопрошания Кирика епископа епископу, и там вопросы на уровне: что можно есть в воскресенье? Как надо относиться к той или иной одежде? Все эти вещи, которые никакого отношения на самом деле к христианству не имеют, но которые до сих пор очень волнуют многих наших и единоверцев, и сограждан. Можно в брюках? Можно в юбке? Покрыть голову? Не покрыть голову? Можно в праздник есть рыбу, если праздник выпадает на среду и пятницу? Или нельзя? Вот это всё на самом деле оттуда. Представление о том, что все расписано до мелочей. Нет никакой свободы внутренней в предстоянии перед Богом. Это было, мы видим в массе тогдашних текстов даже священников и епископов, не говоря уже о мирянах.

Второй момент, очень печальный, намного даже более печальный, чем этот. Хотя отсутствие свободы — это очень страшная вещь. Но второй момент еще более печальный. Мы видим постоянно. Как была устроена власть формальная в Киевском государстве: старший в роде Рюрика из живых восседал на престоле в Киеве, а по мере старшинства, причем сложно определяемого, там дети, дядя, распределялись остальные престолы в княжеских городах, от больших и значимых, таких как Новгород, Чернигов, Переяславль на Днестре, до совсем маленьких городов. Уже среди 4-го поколения после Владимира, т. е. среди его правнуков, потомков Владимира мужского пола было около 90 человек, соответственно всё перемешалось. Тем более появились вече, а они были довольно влиятельны. Мы знаем из летописи, что очень часто какой-нибудь не очень симпатичный князь должен был занять тот или иной престол просто по старшинству, а горожане говорили «Ты нам не люб, иди». Надо сказать, что нелюбый князь редко смирялся, он приглашал поляков, половцев, других князей и

шел громить этот город, соответственно, продавал в рабство завоеванных горожан, грабил церкви и в свою церковь, из того города, из которого он пришел, нес украденное из города, который он ограбил. То есть не было понимания, что святыня есть святыня, а святыня — это та же добыча. Мы знаем, как полоцкий князь ограбил Новгород в начале 13 века, в 1205 году, и в Полоцк вывез сокровища, даже паникадило, Святой Софии. И таких случаев очень много. Князь Рюрик Романович с черниговскими князьями ограбил Киев, чтобы захватить киевский престол, и тоже в Чернигов увезли святыни из Софии Киевской. Это совершенно обычная вещь! Мы видим, что к христианству, к христианской собственности, при всём благочестии, отношение тоже как к добыче. И при этом очень большое личное благочестие многих. Князья не идут в поход, не взяв с собой священника. В поучении **Владимира Мономаха**, правнука **Владимира Крестителя**, своим детям говорится, что надо обязательно утром и вечером читать молитвы, причем утренние молитвы читать до восхода солнца. И это не чисто риторическая фраза. Так поступали, говорится, и твой дед, и твои дядья, все так поступали, поэтому и ты так же молись.

С одной стороны это благочестие, с другой ощущение этого растущего, еще не раздавленного, не побежденного властолюбия и своекорыстия. К концу 12 — началу 13 века оно уже расцвело пышным цветом, начались фактически войны князей за власть, мощные гражданские войны, многие тысячи воинов гибли в этих битвах, особенно трагическая битва произошла в 1216 году на Липецком поле, 12 апреля, когда дети Всеволода Константин, Юрия и Ярослав сражались друг с другом, больше 10 тысяч людей погибло. Ростовские князья заманили своих четырех братьев и убили их, чтобы завладеть престолом, князь Черниговский Игорь был умерщвлен, чтобы не быть конкурентом на престоле. Князь Василько был ослеплен с этой же целью. Мы видим, как нарастает этот ком неправды.

Но сказать это было бы сказать не всё. Одновременно растет и иное. Дело в том, что уже в середине 11 века в Берестове, где была летняя резиденция князя Владимира, славянин **Антоний**, познакомившийся с Константинопольским, византийским и даже палестинским в первую очередь монашеством, основывает монастырь, который потом войдет в историю как **Киево-Печерская лавра**. Сам Антоний живет в пещере, почти никого к себе не пускает, но его ученик **Феодосий** становится действительно основателем общежитийного монастыря, т. е. монастыря где монахи живут не в отдельных скитах сами по себе и только собираются на общие богослужения, а монахи живут общей жизнью, помогая друг другу. Этот принцип, основанный когда-то Пахомием Великим в Египте, но для Киева очень важен был Студийский устав, устав Студийского К-польского монастыря. По этому уставу создается монашеская жизнь, и **Киево-Печерский монастырь** становится центром духовной жизни домонгольской Руси. Из него происходит более 50 епископов, сотни замечательных духовников, священников, монахов, это действительно кузница древнерусской святости. Причем и **Феодосий**, и **Антоний**, и его потомки не останавливаются перед тем, чтобы говорить правду в лицо князьям, чтобы богатых останавливать в их произволе, чтобы судьям, которые превратно судят, указывать на то, что если не изменят своего подхода, они погибнут. Это активное вмешательство в жизнь. У Киево-Печерского монастыря очень широкое поле.

В Новгороде чуть позже, в 12 веке, выдающимся подвижником, который для Новгорода был тем же, чем Антоний и Феодосий для Киева, становится **Валаам Хутынский**, который основывает знаменитый Хутынский монастырь, Хутынь, к северу от Новгорода на берегу Волхова. Это тоже такой центр духовной жизни Северной Руси.

Особенность русского монашества, видимо, вызванная особенностью жизни в новокрещеной стране, это развернутость к миру. Мы почти не находим аскетов, анахоретов, ушедших полностью от мира, разве что Антоний, но он и канонизирован довольно поздно, позже Феодосия. Обычный идеал монашества — это открытость миру, это духовничество, чудотворение, это учительство, ограничение произвола сильных мира сего. В этом смысле удивительный образ дает **Авраамий Смоленский**, замечательный святой домонгольской Руси, который был настоятелем одного из смоленских

монастырей. Он был великим книжником, вообще книжность, это особенность монашества того, домонгольского времени. Они не пренебрегают ученостью в отличие от многих монахов Палестины и Сирии, которые гордились не только тем, что они носят рванье и не моются, но и книг не читают, кроме Священного Писания. Русское монашество отличалось тем, что тоже носило рванье и тоже, к сожалению, не мылось, но оно по крайней мере... Помню, князь Феликс Юсупов написал в своих воспоминаниях после посещения Соловков: удивительно, грязные немывтые вонючие монахи, неужели этим можно служить Богу? Конечно, это особенность юга, которая на Руси плохо адаптируется, но не об этом речь. Русское монашество было книжным, а Авраамий Смоленский целую большую школу создал, причем переводческую школу, переводов с латыни, с греческого языка, может даже с еврейского, это было культурное делание. Хотя сам Авраамий за свои большие труды, как это часто бывает, очень много страдал.

Наконец, последнее в духовном поле домонгольской Руси, это странный, чисто русский тип святости, появившийся буквально почти сразу. Он появляется с именами двух сыновей Владимира — Бориса и Глеба. Борис и Глеб, естественно, варяжские имена, и в крещении их назовут Роман и Давид. Эти два князя первые русские святые, они канонизированы до Феодосия, тем более до Антония, до самого князя Владимира, канонизированы не сверху, не распоряжением митрополита, а народным почитанием, а потом уже митрополитом санкционированы. Князья, которые, если читать древние жития, есть несколько изводов древних домонгольских житий Бориса и Глеба, одно из них написано знаменитым Нестором, кстати, слабейшее из всех, и два других неизвестными авторами. Мы видим, что поразило русского человека готовность повторить жертву Христа, готовность умереть, но не пролить кровь, готовность умереть, но не вызвать брани и вражды. Это даже не героический путь древнего мученичества, исповедничества. Никакого исповедничества у Бориса и Глеба не было, они молились, они просили даже милости, пощадь, оба, особенно Глеб, у своих убийц, подосланных их братом Святополком Окаянным. Главное, что они, это прямо говорится в житиях, могли пойти против брата, тем более Борис был уже молодым воином, он возвращался с дружиной, он мог после похода, который должен был быть боевым, но он не встретил неприятеля, возвращался в Киев, он мог идти с дружиной, уж точно его бы не убили так просто. Но он отпускает дружину, потому что он не может сражаться с братом, не может проливать другую кровь. Как же так, я христианин должен пролить кровь моего брата. А Глеб тем более. Его предупреждают об убийстве, он все равно идет, потому что не верит, что брат может поднять на него руку. Настолько чиста его душа. Это потрясло русского человека. Насколько это было на самом деле, мы не знаем, наверно, было что-то очень неплохое. Но главное, что это потрясло тогдашних людей. И началось почитание с самого начала: Бориса тут же находят и хоронят в Киеве в 19 году. При впадении Жиздры в Днепр находят выброшенное убийцами тело Глеба, нетленное, его приносят к брату, и начинается их почитание. Так же потом начинается почитание князя черниговского Игоря, так же почитают и последнего императора Николая Второго — в чине страстотерпцев. То есть это нежелание проливать кровь — вот, этим можно сформулировать. Вы помните, в Евангелии эти удивительные слова, когда двое учеников Христа говорят, вот в этом самарийском городе Тебя не приняли, скажи, мы туда низведем огонь, как это сделал Илия. Не знаете, какого вы духа, отвечает Господь. Сын Человеческий пришел не казнить, а спасать. И вот этот принцип оказался пленительным для русского сознания, как оказалось, на многие века. Это тоже уникальная основа, заложенная в домонгольской Руси. Вот такой был удивительный мир, далеко не такой прекрасный, как иногда говорят тот же Георгий Федотов, тот же о. Александр Шмеман, что это была такая великолепная сказка. Нет, это не была сказка, там было очень много гадости, но это был первое открытие Правды, еще не полное, еще не глубокое, но это было открытие Правды о христианстве, возвращение в мир истинного почитания Бога Творца и Сына Человеческого, который является одновременно Сыном Божиим. Это начало преобразование русского народа, и собственно говоря, вся дальнейшая его история с падениями и подъемами — это история его пути, начатого в те годы домоногольской Руси. Спасибо.

Православная Русская Церковь в XIII-первой половине XV века

Итак, дорогие друзья, мы начинаем следующий этап истории русской церкви и в сущности неотделимый от него этап развития русского общества. Это то, что называется в русской истории татаро-монгольским игом. Этот период охватывает, если говорить формально, с момента сражений Батыева войска на реке Сити, это 1238 год, до знаменитого стояние на Угре 1470 год.

Это большой период и он ознаменован целым рядом очень важных явлений, во многом, конечно, не во всем, предопределившим будущее развитие Руси.

Во-первых, само нашествие. Иногда у нас складывается представление, что это нашествие было чем-то совершенно неотвратимым как гигантское наводнение, и отразить его, защититься не было никакой возможности. Между тем, это иллюзия. Войско, которое с Батыем пришло на Русь в 1237 году сначала в Рязань, потом во Владимир, это было 300-тысячное войско, в основном сформированное кыпчакскими племенами с монголами в виде руководителей. И если учесть, что уже когда монголы завоевали Русь, они создали свою административную систему, которая имела одну цель — забор воинов-мужчин в армию. Для всей монгольской империи было единое деление на территории, с которых можно было взять 10 тысяч воинов, тьму. Русь была разделена на 43 тьмы. Русь имела воинский побор 430 тысяч мужчин, которые могли держать оружие. Не факт, что эти люди всегда набирались, скорей всего не всегда и почти никогда, потому что люди уклонялись от воинского побора. Но важно то, что монголы уже после завоевания Руси, после того, как значительная часть людей погибла из воинов и из мирных жителей во время нашествия, тем не менее, могли представить, что Русь может дать 430 тысяч воинов обычным набором, 1 к 10 от мужчин. Мы понимаем, что в чрезвычайной ситуации русская земля могла бы выставить армию с набором 1 к 5 от мужчин была бы равна 1 млн. человек. Это намного больше армии, которая пришла с Батыем. Не забудем, что хотя татарское войско было прекрасно экипировано и воински оснащено, и русское войско было прекрасно экипировано и прекрасно воински оснащено. Если вы даже посмотрите на архитектуру предмонгольского времени, вы увидите, что это в основном провинциальные реплики романской архитектуры запада. И русское войско, русские дружины строились по принципу западного рыцарского войска, это были закованные в латы воины с тяжелым оружием. Так что они могли постоять за себя. Надо сказать, что немного позже князь Даниил Галицкий в 1256 году разгромил татарское войско. Но потом, поскольку он был один, он был вынужден признать их власть. Но в этом не было ничего невероятного.

Почему же Русь проиграла? И так страшно проиграла. По той самой причине, на которой мы окончили прошлую лекцию. Это была причина духовная, не военная или геостратегическая. Это невероятная раздробленность и расколотовость русской земли, борьба князей друг с другом, полное забвение в среде княжеской и гражданского населения тех христианских церковных норм единства, братолюбия, жертвенности, которые, как вы помните, утверждались образами Бориса и Глеба на Руси, но которые не реализовались полностью.

И вот теперь первый князь рязанский, на которого пришли татары, призывает великого князя Владимирского Юрия и князей черниговских, братьев, помочь ему. Князь Владимирский вообще, обиженный по ряду причин, было за что, не приходит на помощь, князья черниговские присылают небольшую дружину и медлят: когда они пришли, уже все было кончено. И естественно татарское войско уничтожает, громит рязанскую землю, которая была с ними один на один. Потом точно так же Владимирская земля. Князь Юрий Владимирский, который сейчас канонизирован, причислен к лику святых, во главе своего войска выходит против татар и дает им сражение на реке Сить. Но его собственный племянник Александр Невский не приходит из Новгорода на помощь. Он остается в Новгороде в это время. После гибели князя Юрия отец Александра занимает Владимирский престол.

Владимирские войска после тяжелой кровопролитной битвы проигрывают. Большие города Владимир, Рязань завоевываются, мирные жители пытаются сопротивляться, но не могут. В следующем году завоевываются Киев, южные княжества. И так вся земля русская оказывается во власти татар не по причине несоразмерности мощи, а по причине полной нравственной раздробленности. хотя это одна семья, все князья Рюриковичи, близкие родственники, противопоставленные железной дисциплине монгол. Эта дисциплина тоже рухнет, но примерно через полсотни лет.

Это завоевание имеет три исключения. Первое исключение, это Новгород и Псков. Татарские войска после разгрома Владимира пошли дальше, дошли до Торжка, сожгли Торжок, а потом в районе, который назван Игнач Крест, это в районе Селигера или Валдая, остановились и развернулись назад. Очень не исключено, хотя это не зафиксировано ни одним документом, что князь Александр Ярославович договорился заранее с татарами, что он не идет на помощь дяде, а они не громят его вотчину. Князь Александр к тому времени уже два года князь Новгородский.

Второе исключение — это Литва, которая в это время тоже организуется, отдельные литовские племена, еще языческие, начинают собираться вокруг князя Миндовга, и сам князь принимает католическую веру, крестится западным обрядом. Литовцы отражают татар, правда, там идут небольшие отряды, и там болота, но они отражают татар — татары в Литву не идут. Батыево войско идет южнее, идет через Польшу и Чехию в Австрию, но там происходит таинственная, тоже не совсем понятная вещь. Венгрию они завоевывают, подходят к стенам Вены и у Клостенбургга останавливаются, стоят и поворачивают назад в Степь. Формально понятно почему. Начинаются распри за великий престол главы монголов, великого хана, и Батый спешит в Каракорум. Это понятно. Но он мог оставить гарнизоны, как он это сделал на Руси, он же не эвакуировал Русь. А Венгрию он эвакуирует и дальше не идет. По всей видимости, только перспектива сражения с армией всей католической Европы и императора, а в то время Папа Иннокентий IV созывает всех на защиту от монголов, сама эта перспектива столь была неблагоприятна для Батыя, что он решил из католической части Европы уйти полностью. Поэтому он правит Венгрией один год, а венгерский король бежит на острова Адриатического моря, а теперь он без всяких крупных сражений, сражения были, когда он победил короля Венгрии, без сражений уходит — католический мир освобожден. Ничего подобного не происходит с Русью.

Наконец, Даниил Галицкий. Это третий пример. Галицкое княжество, тоже управлявшееся Рюриковичами, находившееся на самом западе, юго-западе русских земель, в прямом теснейшем контакте с западными государствами, Польшей, Венгрией в первую очередь. Даниил Галицкий решается принять западный обряд, чтобы и ему помогли императорские войска, у него не хватает своих войск. Он говорит о том, что готов это сделать. Не дожидаясь даже его крещения, Папа Иннокентий IV посылает ему корону. Даниил становится королем Волынским и Галицким, но вспомогательные войска не посылает. И народ, и епископы категорически отказываются переходить в западный обряд и, в общем-то, Даниил сам тоже не переходит в конечном итоге и подчиняется татарам.

Вот такой расклад на Руси.

Что означало татарское завоевание? Татарское завоевание означало огромное изменение всей жизни.

Первое, почти полное уничтожение ведущего слоя русской земли, культурного народа. Этот слой был или уничтожен физически. Погибли рыцари на поле боя, погибли горожане во время захвата городов. Или был уведен в полон, потому что талантливых инженеров, строителей, ремесленников, врачей татары очень ценили. И если их обнаруживали, уводили в Каракорум, во внутреннюю Монголию, где они им служили и неплохо жили, но для Руси они были навсегда потеряны.

Второе это исчезновение городской культуры. Русь предмонгольская была городской страной, где крупные и небольшие города образовывали культурную и политическую сеть. Теперь все города были сожжены и разорены, кроме двух исключений — Новгород и Псков на севере и достаточно отсталый кусок, прилегающий к Литовскому государству, это нынешняя Белоруссия, Полоцк, Брест, Гродно, то, что называли Чернороссией. Они тут же оказываются под протекторатом Миндовга, и на этой территории начинает формироваться исключительно интересный феномен литовского государства. А во всей остальной Руси города уничтожены, осталось сельское население. Даже те горожане, которые остались, бегут в леса. Сохранились описания того времени у летописцев. Суздальский летописец под 1239 годом пишет: «Тогда же бе пополох зол по всей земли, и сам не ведеху, где кто бежит. Если появится где хоть один татарин, то многие наши не смеют ему противиться, а если из две или трое, то многие русские бросая жен и детей обращаются в бегство». Понятно, что бегут в леса, где можно спрятаться. Особенно печальна участь самых богатых южных княжеств, которые находятся в лесостепной и степной полосе. Там некуда спрятаться, они разорены полностью, и в отличие от остальной Руси (это Киев, Переяславль, значительная часть Галицких земель) они просто включены в татарское государство без всяких князей, и там пасутся кони татарские. Куда деваться народу? Он разорен, сельское хозяйство невозможно. Бегут на северо-восток, в леса, спасаются.

Третье. Полностью прекратилась торговля. Нечем торговать больше, ремесла нет, города разорены, вся земля обложена десятиной доходов, в основном это сельские доходы, то, что дает земля. И уже больше нечем торговать, отдав десятину главное выжить. Начинается борьба за выживание. Самое тяжкое, что может быть, культура всегда умирает, когда борьба за выживание. Потому что когда человек думает, чем ему прокормить себя и детей, ему не до высоких творений. И действительно, на Руси прекращается практически летописание, прекращается полностью каменное строительство, за исключением незавоёванных земель.

Четвертое. Рекрутский набор, о котором я уже упомянул. Молодых мужчин постоянно забирают в Орду. Одного из мужчин от младенца до старца. Понятно, что ни младенец, ни старец в Орде не нужен, значит, берут молодых мужчин. Огромная нехватка людей.

Пятое. Князья теперь подвластны Орде. Раньше как строилась после Владимира система организации жизни: городское вече, князь Рюрикович, он фактически вождь предводитель, а при нем существует вече, которое решает, какой князь люб, какой не люб, какие деньги давать, какие не давать. Народное собрание и княжеская власть, которые находятся в каком-то балансе. Теперь над всем этим появился царь ордынский, или как называют его наши летописи, поганый царь ордынский. Но слово поганый не имеет негативного значения, за него молятся в церквах как за поганого царя ордынского. Слово поганый, paganus, язычник, неверный царь ордынский, не христианин. Это теперь для нас слова поганец и поганка имеют другое значение. Теперь этот царь требует себе повиновения князей. Через князей, которых он ставит, он им дает ярлыки, право на княжение. Он от них требует двух вещей: политической покорности, вплоть до того, чтобы их руками собственных братьев, которые выступают против татар, казнить и разорять. Сначала дань собирают татары, потом сбор дани переходит князьям. В любом случае и для первой, и для второй роли никакое вече не нужно, оно только мешает. Вечно какое-то свободолюбие, какая-то защита народа. Поэтому вече перестает собираться, постепенно отмирают повсюду на той территории, которая прямо подчинена татарам. На севере, в Новгороде и Пскове, и на западе, в Чернороссии, они естественно сохраняются.

Следующее. Граждане городов, мужи-вечники, как их называет новгородская летопись, превращаются в данников.

Следующий момент связан с крестьянством. Крестьяне, которые бегут с юга на север, желают продолжать делать то единственное, что они умеют делать — возделывать землю. Они оказываются в

новой ситуации. Там на юге земля была их, это была вервь, земля общины, кое-где было единоличное владение землей, но это была частная собственность, так признается в киевских законах, они платили налог. Теперь у них нет никакой собственности, они приходят на север, где земля у князя, земля пустая, потому что значительная часть земледельцев севера погибла или взята в плен. Значит, землю можно давать, но это не их земля, они арендаторы на новой земле. Более того, они прибежали без скота, без орудий, им всё дает князь. Денег нет, всё дают натурой. Поэтому они арендаторы, связанные зависимостью с князем. Земли другие, это не черноземье, а суглинок, который дает намного меньший урожай. Таким образом, они попадают в экономическую зависимость. Соответственно они становятся зависимым населением, из которого потом вырастет крепостная зависимость. При этом и своим воинам дружинникам князь не может платить серебра, он им дает тяглые сёла. Слово село для нас имеет понятие деревня, но на самом деле, если вы вдумаетесь в этимологию слова село, оно связано со словом селиться, жить. Отдает им людей на земле и помещает их на землю, где люди будут служить на него. Так возникает прототип будущего, от слова помещать на землю, помещичьего хозяйства.

Кроме того, очень важный, редко учитываемый момент, это десятина в женщинах. Монголы требовали десятины во всем, в женщинах тоже. И понятно зачем. Не только для гаремов, огромное собственное войско, одни мужчины. Понятно, нужны женщины, чтобы мужчины чувствовали себя более комфортно. Конечно, никто не хочет отдавать своих дочерей и жен, значит их прячут. Часть женщин тоже выводится, население тоже обескровливается. Но женщин прячут в теремах. Если женщина в Киевской Руси вела публичную жизнь в хорошем смысле этого слова, была общественным существом, то теперь она заперта в тереме, она во многом становится невольницей мужчины. А мужчины, живя без женщин в публичной жизни, дичают и грубеют. Быстро происходит огрубение нравов на Руси.

Наконец, что для нас имеет самое прямое значение, это Православная Церковь. Монголы сначала относились совершенно равнодушно к Православной церкви. Они грабили, когда завоевывали, убивали, не глядя, и священников, и епископов, и монахов. Мнение некоторых наших ученых, например, Карташева, что монголы с самого начала очень благоговели перед Русской церковью, неправильно. Ничего они не благоговели. Разоренные, сожженные, ограбленные храмы — прекрасное свидетельство повсюду. Но монголы были опытными политиками. Они прекрасно видели, что на Западе именно католическая церковь объединила разноплеменный запад вместе, и пришлось убираться вон. Поэтому надо было отделить Русь от Запада религиозной стеной. Сделать так, чтобы русские никогда не могли считать западную церковь своими братьями. А не забудем, что время было такое, что все было еще очень не ясно. Мы все знаем время великой схизмы, но это мы знаем. Никто не считал в Европе, что церковь раскололась надвое. Это был какой-то конфликт среди высшего духовенства, между Папой и К-польским патриархом. Мир продолжал считать себя единым христианским миром. И тому доказательство, в том числе и энтузиазм, с которым в Европе собирались крестоносцы для того, чтобы освободить Византию. Но когда крестоносцы в 1204 году совсем не из религиозного рвения, а из жадности, завоевали Константинополь, совершенно как татары оскорбили святых, разорили духовенство, религиозные чувства греческого народа, тогда произошел раскол, вот тогда на самом деле схизма началась с начала 13 века, а не в 11 веке, реальная, в сознании людей.

Но ей было тогда несколько десятилетий, и до таких медвежьих углов как Русь она доходила в очень ослабленном состоянии. Следовательно, для монголов было важно, чтобы Русь усугубила эту разделённость, а не преодолела её. Для этого были основания. Римская церковь не дремала, она постоянно предлагает и грекам, и русским, известны предложения римских легатов Александру Невскому воссоединиться с римской церковью, обещают помощь, обещают владимирскую корону, власть над русской землей и независимость от татар. И я думаю, это не пустые обещания. В 51-м году к Александру Невскому приезжают два епископа, посланника Римского Папы, с этим предложением. Есть постоянная борьба. Что делают татары? Они освобождают русскую церковь от налогов вообще,

от всех десятин, до этого всё было. И ставит русскую церковь в привилегированное положение — это происходит в 1270 — с одним условием: никаких контактов с западной церковью. С тех пор в русских церквях начинают молиться о здравии поганого царя ордынского и при этом проклинают латынское богомерзкое служение.

Происходит это разделение, оно очень выгодно татарам. Что это означает практически? Культурная связь с Западом, существовавшая до половины 13 века, несмотря на все эти схизмы, полностью прекращается. Это очень важный момент.

Сейчас евразийцы любят говорить, что Русь раскрылась Востоку. Никому она не открылась. Хан Узбек, который правил в 1313–1341 годах, принимает ислам в качестве государственной религии Орды. Соответственно ислам Русь уже не принимает, поэтому Русь закрыта и для ислама восточного, он чужой, и для запада, который еще более чужой, как ни странно, вроде это христиане, и не забудем, что большинство северных монархов Европы довольно близкие родственники русских князей.

И наконец, последнее последствие, которое имеет и духовное, и светское значение. Это комплекс раба, который, к сожалению, все больше распространяется на Руси и даже приветствуется в летописях, потому что, чтобы выжить и заслужить покойную жизнь, надо лицемерить, надо показывать любовь и дружелюбие к завоевателям, иначе плохо будет, а завоевателя ты естественно ненавидишь. Если ты имеешь какую-то власть, то эту власть татары требуют употреблять, чтобы собирать им дань и налоги. Ты должен из своих собственных братьев и сестер выдавливать последнюю копейку, отношение к низшим как к рабам, и при этом отдавать всё это татарам и кланяться им. Это болезненное отношение, которое у нас в современной поговорке «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Вот это оттуда происходит.

Было ли воспринято татарское завоевание как раз и навсегда данность? Конечно, нет. Оно было осмыслено в летописях сразу же как наказание за грехи самих русских людей. Все плачи о гибели русской земли, а это замечательные произведения русской литературы, в них рефрен, мы не уберегли нашу вельми красную землю русскую. Не уберегли чем? Не тем, что не готовились к войне — готовились! А тем, что не хранили христианских установлений, тем, что были друг другу волки, а не братья. Тем, что в нравственной жизни не соблюдали христианских принципов. Конечно, весь этот комплекс, не обвиняли другого.

Забегая вперед скажу, когда русские осмыслили Смуту и выход из Смуты начала 17 века, то каждое сословие обвиняло другое, что Русь вошла в Смуту. Тут этого еще нет, обвиняли сами себя, то есть самое здоровое установление. Обвиняли себя в том, что так всё произошло.

И конечно, начинается сопротивление. Первый, Евпатий Коловрат, черниговский воевода, который увидел разоренную Рязань и ушел партизаном и сражался. Самое мощное, первое восстание это восстание 1248 года, когда 2 брата Александра Невского Андрей Владимирский и Ярослав Тверской поднимают восстание, выгоняют баскаков из земель средней Руси. Александр тогда князь Новгородский и Киевский, но Киев сожжен, фактический он князь Новгородский. Что делает Александр? Новгородцы мечтают присоединиться к восставшим южным княжествам Владимирскому и Тверскому. Они смещают одного посадника и выдвигают другого, Онанию, сторонника борьбы. Военное напряжение растет, после нескольких конфликтов оно достигает своего апогея в несколько другой диспозиции в 1255 году. Что делает Александр Невский? Он выступает на стороне татар. Он к тому времени победитель немцев, литовцев и шведов выступает на стороне татар против своих братьев. Андрей бежит в Швецию, а Ярослав бежит в Псков. Александр Невский заставляет новгородцев выплатить дани, угрожая разорением Новгорода от татар. Слепляет и отрезает носы тем, кто был против, кто были настоящими патриотами, желавшими свободы. Меняет посадника на своего человека.

Что это происходит? То, чем опять в новом контексте будет знаменоваться русская духовная жизнь. Это попытка борьбы за власть, а Александр мечтает стать единовластным правителем Руси, с помощью татар. Татарам только этого и надо.

Отделение церкви от западной, внутренняя междоусобица между князьями Рюриковичами — идеальная ситуация для управления богатой и в то же время потенциально очень сильной страной.

В этот период, тягостный для Руси, с одной стороны продолжается и утверждается канонизация русских князей. Русских князей, которые сражались за землю русскую. Александра Невского никто не канонизирует. Его канонизируют только в 16 веке при Макарии. Канонизируют Юрия Владимирского, погибшего на реке Сити, князя Михаила Тверского, который продолжал дело отца, боролся с татарами как мог, чтобы избежать полного разорения своей земли сам поехал к татарам и погиб, был убит. Эталоном считается князь Михаил Черниговский и его боярин Федор, который то же самое сделал, так же поехал в Орду, и так же погиб там.

Многих мы знаем только по имени, не знаем, где они княжили, не знаем их деяний, но знаем, что их почитали в то время, значит, они чем-то отличились и запомнились как защитники своей земли. Это первый круг русской духовности.

Второй, самый важный, круг русской духовности эпохи татарского гнета, который противостоял всем этим негативным процессам. Он был связан с тем единственным ручейком, с той дорогой, которая осталась на Руси не закрытой, после того как обрубали связи с западом, и сами собой обрубались связи с исламизированным востоком. Это связь с Византией.

Византия в то время была слабой страной. После отвоевания К-поля у латинян в К-поле и в большей части тех территорий Византии, которые не были завоеваны, правит династия Палеологов, в Трапезунде, в К-поле, на островах архипелага. В это время происходит то, что культурологи называют палеологовским возрождением, а церковь это связывает с именем Григория Паламы, паламитским возрождением. Что же это за возрождение? Это возрождение в культурной форме известно всем, чудные мозаики, прекрасная поэзия. Не забудем, что Византия — это страна, которая непрерывно существует фактически через Рим с эпохи Платона, досократиков и Гомера. Это непрерывное культурное целое, хотя политически всё менялось. Это страна, которая не претерпевала культурного уничтожения ни разу на протяжении более 2,5 тысяч лет, после того как она вышла из постмикенского регресса в 9 веке до Р.Х.

Она имеет огромный культурный потенциал, которого не имеет ни одна другая страна в Европе. В этом смысле выбор православия, сделанный при Владимире, имел огромное значение для Руси. И вот сейчас он сработал снова. Дело в том, что эта внешняя культура имела и внутреннее наполнение. В чем суть внутреннего наполнения? Мы должны себе представить, что пережила Византия сама по себе задолго до этих страшных событий, когда возник ислам, и под влиянием ислама перешла к арабам значительная, большая часть Византии — Египет, Сирия, Северная Месопотамия, Африка. Переходит по многим причинам. Что пережила Византия? То, что переживают в таких ситуациях все культурные общества. Кроме политического, культурный шок. Те, кто побеждает, значит, у них что-то лучше. Иначе бы они не могли победить. Чем они отличаются? В области культуры, воинского искусства они далеко отстают. Религия. Прямого заимствования ислама греческой элитой не было, они его отвергали. Но начали, поскольку люди образованные, глубоко, глубже самих арабов, изучать основы исламского богословия — тот же Иоанн Дамаскин. И многие начинают прельщаться некоторыми мусульманскими моментами. Во-первых, начинается движение иконоборчества. В исламе нельзя делать изображения, а может действительно нельзя, в Ветхом Завете же это говорится. Долой иконы, долой изображения! Некоторые византийские императоры доходят до безумия, хотя они ни в малой мере не являются коллаборационистами, но они просто начинают воспринимать ту идею.

Другая еще более опасная идея, но более тонкая, это понимания отношений человека и Бога. В исламе в отношении человека и Бога есть онтологическая преграда. Главная поговорка ислама: ты можешь стать другом Бога, вали Алла, но ты не можешь стать Богом. Основа христианского учения, прямо из «Отче наш», это что человек становится сыном Божиим. Идея теозиса, обожения, это главный нерв в христианстве. Без этого вообще никакого христианства нет. Но это теперь кажется невероятной претензией, гордыней, и люди забывают об этом, отходят от этого.

Эпоха между 8 и 10 веком — это время упадка внутри самого христианства понимания многих богословских идей. Начинается контр движение в этой богатой культуре, оно связано с именем Симеона Нового Богослова, 11 век. О нем прекрасная книга епископа Василия Кривошеина. Сделал он очень много, его поэмы потрясающе красивы. Вера замкнулась в монастырях и приняла обрядовый характер. Он первый говорит вновь, что каждый человек где бы он ни жил, монах или мирянин, ребенок или взрослый, мужчина или женщина, богатый аристократ или простолюдин, он может пережить единство со Христом и сохранить навсегда единство с Богом.

Эта идея живого богообщения основная идея Симеона Нового Богослова. Потом наступает опять время, когда его идеи немного забылись. (Хотя ему единственному уже в позднее время дает византийская традиция имя Теолог, Богослов. Есть апостол Иоанн Богослов, Григорий Богослов, один из каппадокийцев, 4 век, и последнему ему — Симеон Новый Богослов.) Она занимает совершенно особое время в византийской православной мудрости. И в 14 веке из-за сложного духовного конфликта и спора с Западом, но опять же этот конфликт был совершенно не политический, но идейный, конфликт идей, который с двух сторон представляли греки. С одной стороны греки латинизированные, с другой греки, выросшие на своей собственной традиции. И вот этот диалог утвердил заново идеи Симеона о возможности прямого богообщения любого человека, и это движение, связанное с именем архиепископа Фессалоник Григория Паламы, Николая Кавасилы, получило название исихия, от греческого «молчание». В молчании, в тишине — мы с вами много говорим, а истина открывается в тишине. В тишине открывается не просто богообщение, его знали и мусульмане, открывается единство с Богом.

Тот же Палама говорит, что уже здесь на земле, в ситуации несовершенства, в которой живет любой человек, в сиянии божественного света человек становится причастником божественного естества через божественную энергию, божественный свет. А там, по ту сторону смерти, когда подвижность свободной воли завершена, там он станет во Христе причастником Божества через ипостась Иисуса Христа, то есть войдет в полноту Отца, став богом по благодати. Вот это новое учение, которое открывает невероятные перспективы перед человеком. Человек, маленькое земное существо, которое в условиях политических неурядиц, гонений и разорений чувствует себя вообще никем, вдруг оказывается сыном Божиим. И вспоминаются слова Евангелия: «дела, которые Я соделал, и вы соделаете, и больше их соделаете». Для человека открываются невероятные возможности.

И это учение, которое в Греции получает огромную актуальность в середине 14 века, практически сразу попадает на Русь. Это неудивительно. В Греции, особенно на Афоне и в монастырях К-поля, немало монахов из Руси и из южнославянских земель — Болгарии и Сербии. Всё переводится на славянский язык, всё привозится сюда. Здесь это духовное возрождение твердо связывается с именем — всем нам оно известно, но не всем известно почему — с именем преподобного Сергия Радонежского. Преподобный Сергий Радонежский входил в переписки со многими греческими отцами, к-польскими епископами, с Киприаном, который был поставлен в К-поле митрополитом Киевским. Преподобный Сергий проводник этой идеи. Мы иногда удивляемся, почему от него происходит такой сонм учеников и собеседников. Не все его ученики, тот же Кирилл Белозерский — его собеседник, он сам по себе пришел к тому же, под тем же влиянием. Почему примерно 180 монастырей создано учениками или учениками учеников пр. Сергия? Какой был импульс? Что он им

дал? Просто аскезу? Просто то, что он ел заплесневелый хлеб и строил своими руками? Это делали многие! Но он сам явил образ знатока исихазма, стяжателя Горнего Света.

Если мы посмотрим на славословия ему и его ученикам, написанные после смерти, например, Савве Сторжевскому, мы увидим, что главное это именно их исихастский опыт, опыт прямого богообщения. Это пленяло людей, это поднимало их из этой грязи, в которой они находились после татарского завоевания. Грязи не только из-за завоевания, но и из-за междоусобиц, низких целей и интересов, одичания и прочего. И он сам на себе показал пример исихазма. Он бы сын родовитого боярина, коменданта крепости Радонеж, ему бы быть воином. Он уходит от всего этого. Более того, он уходит от всех предложений власти, ради которой другие убивают друг друга. Даже «духовной». Мы помним, как братия выгоняет Сергия из Троице-Сергиева монастыря — он не сопротивляется. Тогда он уже известный игумен, он уходит на реку Киржач и основывает свой скит. Мы помним, как митрополит Алексей незадолго до смерти говорит, что ты должен быть новым митрополитом после меня, становись епископом, а потом возьмешь митрополию вся Русь. И он, всегда послушный священноначалию, говорит: нет, если не хочешь, чтобы я ушел от тебя навсегда, не воль меня в этом. **Митрополит Алексей отступил.**

В то же время Сергий оказывается непреклонным сторонником единства митрополии. Здесь очень важный церковный момент. Дело в том, что с самого начала русской земли вся Русь была единым митрополичьим округом. Это у нас сейчас митрополиты — это почетная должность вроде генерал-полковника, а архиепископ вроде генерал-лейтенанта, епископ — генерал-майора. Так Пётр Первый завел, а в Греции было иначе. Были митрополичьи округа (митра — полис — мать-город), который объединяли большое количество епископий, и так до сих пор остается в Греции. Собор 17–18 года хотел в России это ввести, но не успел. Русь была единой митрополией, разделенной на ряд епископий и архиепископий, и митрополит всегда назначался из К-поля.

После того, как произошло татарское нашествие, в 14 в. произошло важное событие, о котором мы мало знаем, но которое очень существенно. Литовское княжество продолжает развиваться в принципиальном нежелании подчиняться Орде. Если Рюриковичи готовы подчиняться, Гедиминовичи (Миндовга сменяет Гедимин, видимо, не его родственник), их идея другая. В то время литовцы малокультурные люди, у них нет своего письменного языка. Письменный язык — это церковнославянский. Часть из них католики, часть православные, значительная часть язычники. И они решают отвоевать у татар Русь. Им это удается. Сын Гедимина **Ольгерд** женатый дважды на двух русских княжна Рюриковнах Марии и Ульяне **в 1363 году громит татарское войско** в пух и прах на Синих Волах, это территория Донецкого бассейна. Этот разгром привел к тому, что вся Западная Русь, Киев, Чернигов, Переяславль, вплоть до Черного моря, которое потеряли еще в 12 веке от завоевания половцами, всё занято Литвой. На престолах там, где князья перешли на его сторону, остались Рюриковичи, там, где князья были коллаборационистами, до конца держались за татар, были смещены, и назначены князья Гедиминовичи. Но что важно! Всюду восстановлено городское управление, вечевой характер страны, нигде не было принуждения к переходу в другую веру, православие — главная религия литовского княжества, но при этом и католицизм так же признан, и язычество еще терпится.

В этой ситуации, когда Литва растет всё больше, и все русские с Востока, и Новгород, и Псков (единственное княжество, которое может брать в князья не Рюриковича, там всё чаще берут литовских), и Тверь, и даже далекая Рязань с новой столицей в Переяславле-Рязанском. Рязань разорена и больше никогда не поднялась. Все смотрят на Литву. Она становится образом освобождения. Естественно этому желает помочь Церковь, потому что она понимает всю вредоносность рабского состояния, поэтому в К-поле сохраняют единство русской митрополии, несмотря на то, что политически Русь разделена между Русью татарской и литовской.

А вот Русь татарская стремится отделиться церковно. Кто больше всего боится победы Литвы? То княжество, которое постепенно становится главным в татарских землях Руси. Вы догадываетесь, что это княжество московское. Московские князья, которые начиная с Юрия Даниловича, сына московского князя Даниила, проводят абсолютно коллаборационистскую протатарскую политику, по приказу татар наказывают жгут и убивают граждан соседних княжеств, если они сопротивляются Орде. Сам Юрий Данилович, оклеветавший Михаила Тверского и фактически убивший его в Орде. Все эти люди боятся Литвы и собственного народа, который с Литвой, а не с ними связывает будущее. Им надо создать свою церковь, церковь, которая не будет больше церковью связанной с Литвой. Не забудем, что митрополит Алексий, и даже митрополит Петр, который перенес митрополичью резиденцию формально в Москву, тем не менее был митрополитом Киевским и всея Руси. Это была так называемая странствующая митрополия, страна разорена, титул Киевский, но живет в другом более благополучном городе. Теперь надо разделить. И когда в К-поле посвящают митрополита Киприана, видимо болгарина, известнейшего исихаста, мистика и мыслителя, митрополитом Киевским и всея Руси, Дмитрий Донской в противовес ему назначает своего духовника попа Митяя, мы даже не знаем, как его зовут, потому что прозвище Митяй — то ли Дмитрий, то ли Михаил. Его иногда называют белым овдовевшим попом, назначает его митрополитом Владимирским и всея Руси, т. е. своим. Отказавшийся принять его епископ Суздальский Дионисий, который сыграет такую роль в Куликовской битве, он заковывается в кандалы. Остальные епископы боятся и подчиняются, но не подчиняется преподобный Сергей, который пишет Киприану, чтобы он не боялся и приезжал на Русь, что он с ним. И Киприан едет в Москву, будучи уверенным, что митрополита постыдят. Ничего подобного. Дмитрий Донской не стыдится митрополита, он его арестовывает, грабит, раздевает донага, держит в холодной и под охраной высылает снова. Не буду рассказывать, есть великолепная книга Юлиана Прохорова «Повесть о Митяе», где приводится текст повести и дается бесконечно интересный исторический фон.

В конечном счете, Дмитрию Донскому приходится пересмотреть свою позицию, Киприан возвращается в Москву, становится митрополитом, единая митрополия восстановлена. Литва в этой ситуации намного более союзно смотрит на Москву, и в этой ситуации происходит Куликовское сражение. Дмитрий Донской долгое время колеблется, он не хочет воевать с татарами. Это невыгодно, татары традиционные союзники против Литвы, но вся Русь против. Как говорится в одной летописи: вскипе русская земля против татар. Дионисий Суздальский в 1377 году пишет князю: брань славна есть лучше мира студна. Куда деваться? Митрополит Киприан, которого поддерживает пусть даже из политических соображений, мы этого не знаем, К-польский патриарх, также выступает за то, чтобы сопротивляться. Литва готова прислать войска в помощь. Некуда деваться Дмитрию. Он выступает во главе русских полков, пришли все. 8 сентября 1380 года в сражении на Куликовом поле темник Мамай разбит Дмитрием. Когда читаешь летописи этого времени, поражаешься, как до этого совершенно с опустившимися крыльями русская земля, которая действительно бежит от одного имени татарина, вдруг вся вскипает духовным подъемом. В чем дело? В том самом! Таинственное соединение с Богом, таинственное переживание себя сыном Божиим дает колоссальные силы в любом деле, от монашеского до воинского служения, но только за правду. Отсюда позднее предание о благословении Сергием Пересвета и Ослабю на Куликовскую битву. В житии, которое написал первый агиограф преподобного Сергия Епифаний Премудрого, нет ни слова об этом эпизоде. Но русская традиция связывает преподобного Сергия с победой на Куликовом поле, и это, видимо, справедливо.

Но сам Дмитрий Донской ведет себя, мягко говоря, безобразно. Когда через 2 года после победы новая татарская рать идет на Москву, он бросает город и поручает его оборону митрополиту Киприану. Митрополит человек невоенный. Что делают русские московские люди? Тоже очень характерно. Собирается вече, на котором выбирают князя, это внук Ольгерда, который чудом оказался в Москве.

Он организует сопротивление. Оно неудачное. Москву сжигают, князь погибает. Он герой, и митрополит Киприан тоже герой. Пытаются делать все что можно.

Следующий период это период гегемонии Литвы в Москве. Вспоминать этого не любят, но это так. Дело в том, что Рюриковичи окончательно обанкротились в сознании русских людей. Сын Дмитрия Василий живет в Литве, его держат заложником, там он женится на Софии, дочери Витовта (после Ольгерда был Витовт). Практически Восточная Русь — это татарская часть Литовского государства. Главный политический центр власти — это Орда и Литва.

Витовт постоянно колеблется между православием и католицизмом, между союзом с Польшей и статусом освободителя всей Руси. Поворотное событие это 1399. Витовт талантливый политик и военачальник тщательно готовится. Он заключает союз с Орденом и отдает ему часть своих личных литовских земель, но за это получает орденское войско, он организует войска всех своих литовских земель, заключает договор с Тверью, ведет переговоры с Новгородом, собирается огромное русско-литовско-немецкое войско, чтобы раз и навсегда разгромить ордынцев. Это войско выступает на восток и встречается с войсками, которыми фактически командует Едыгей, знаменитый опытный старый татарский военачальник, и татарский хан Темир Кутулуй. И в этой битве счастье отвернулось от Витовта. Татары разгромили объединенную армию, прошли огненным потоком по всей западной Руси, за огромные деньги от них откупился Киев, была сожжена Киево-Печерская Лавра. С мечтами об освобождении Руси было покончено.

Теперь начинает слабеть литовская идея и вообще ориентация на запад. Её подрывают два события. Одно духовное, другое воинское. Духовное событие — это уния 1439 года. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор едет на Флорентийский собор, на котором Византийский император и Византийская церковь хотят договориться с западной церковью о воссоединении. Положение К-поля ужасно, почти вся империя завоевана турками-сельджуками. Остался только сам город К-поль, несколько островов, несколько кусков территории на Балканах и в Малой Азии. Дни Великого города сочтены. В этой ситуации император Иоанн просит организовать собор, на котором надо обсудить, может, наши споры гроша ломаного не стоят, может, мы говорим одно и то же, а противоречия имеют филологический характер. Значительная часть греческих епископов с ним согласна. Если будет примирение, это не значит, что византийская церковь станет католической, просто они согласятся, что различия не имеют догматического характера, поэтому могут сохраняться. С той и другой стороны блестящие богословы и догматики, в том числе и Исидор. Флорентийский собор принимает решение об унии, о воссоединении церкви. Церковь вновь едина, различия не важны. Главная догматическая точка, это момент в символе веры. В свое время римляне добавили в символ веры, чтобы противостоять арианам, слова «филиокве», то есть Дух Святой исходит и от Отца, и от Сына. Я сейчас не буду говорить о богословском значении всего этого. Но греки убедили, что аналогом для греческого уха это «пер филио» — через Сына. От Отца через Сына, это прямо присутствует в Новом Завете. Вроде, согласились, Исидор вернулся в Москву в 1441 году. И тут его ждет полная обструкция: ты что с этими латинянами снюхался? Никогда на это не пойдем. Он низлагается и высылается. Он едет на Западную Русь и естественно остается Киевским митрополитом, но в Москве его больше не признают. Сыграла роль эта долгая татарская политика разделения, когда очень слабые в богословии русские люди, это не греки и не латиняне, сам факт того, что признали факт богопротивного латинства — это анафема и пошел вон! И что остается сделать? Выбрать своего епископа, потому что в К-поле признали унию.

И вот тогда в 1448 году впервые на Руси сами выбирают себе митрополита, главу русской церкви, но уже её восточной, татарской, если угодно, части. Этим митрополитом оказывается Иона. Он фанатичный поборник не просто православия, а как говорят, московской автокефалии. Все, казалось бы, работает на Иону. Ферраро-Флорентийский собор имел прямое чисто политическое следствие — весь Запад пошел освобождать Византию от сельджуков с самыми добрыми чувствами.

Армию возглавил польский король герой Владислав. Огромная рыцарская армия через Балканы двинулась к К-полю. Но в 1444 году опять отвернулась военная удача, и под Варной была разгромлена турками рыцарская армия, т. е. К-поль освободить и Византию возродить не удалось. Удалось бы, все бы сложилось как-то иначе.

В 1453 году султан Мехмет завоевывает К-поль, последний византийский император Константин XI как истинный воин с оружием в руках погибает сражаясь за свой город. София константинопольская разорена, богослужения прекращены, всё закончилось. На Руси это восприняли так: видите, они изменили Православию, и освободить их никто не смог, и завоевали их турки. Теперь только мы остались, мы московские православные люди единственные. Те, что в Киеве, неважно, они всё равно уже с Польшей в союзе, сомнительные православные. Правда, в К-поле гибель империи вызвала тоже обратную реакцию. Патриарх униат был смещен, избран патриарх Геронтий, турки-сельджуки это тоже только приветствовали, им, так же как и на Руси, было важно, чтобы покоренные греки исповедовали другую веру, не как римляне, чтобы больше походов на Варну не было. Поэтому они приветствовали: православные — это анти-католики. Позиция Геронтия, что лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара, была вполне одобряема завоевателями. Ну, коль завоевали, какие же это свободные люди, да пусть православие возродилось, но они разорены, и остались только мы.

Умирая митрополит Иона в 1458 году берет слово со всех епископов татарской части митрополии, не литовской, никогда не брать митрополита из К-поля, всегда его выбирать самим. Вот эта клятва русских епископов может считаться началом период схизмы. Греки никогда не признали это самостоятельное отсоединение русской митрополии. Они естественно продолжали требовать, чтобы митрополита как и раньше назначала материнская церковь. Материнская церковь назначала митрополита в Киев. Москва отделилась от Киева и К-поля, и К-поль анафематствовал Москву. Это тоже не любят вспоминать. И в течение последующего времени, до Ивана Грозного, К-поль не признавал Московскую церковь. Последний ручеек, соединявший Русь с мировым христианством, прервался. Русь оказалась абсолютно изолирована, культурно опустошенная татарским нашествием, в гордости возомнившая себя третьим Римом и при этом не желавшая видеть нигде авторитета, кроме как в самой себе.

Последствия не замедлили сказаться. Когда-то часть культурного христианского мира, развивавшаяся, это видно по Андрею Рублеву, по Епифанию Премудрому, по архитектуре, вместе со всем христианским миром, пусть как его периферийная и несколько отстающая часть, вроде Скандинавии, она стала стремительно отставать, практически остановилась в своем развитии. Начиная где-то с второй четверти 15 века Русь останавливается в своем культурном развитии, а это момент, когда Европа переживает исключительно быстрый подъем Ренессанса. Другое дело, что Ренессанс Европы проходит через идею восстановления дохристианского гуманизма: человек — мерило всех вещей, человек наравне с Богом. Нет, Бог не отбрасывается, но человек наравне с Богом, мерило всех вещей. Не человек в Боге, как в исихазме, а человек наравне с Богом, человек эмпирический земной, не совершенный человек исихазма, не тот, кто стремится открыть себя Богу, а человек в своей данности. Между фресками палеологовского монастыря Хора, замечательный, последнее, что сделала Византия уже в 15 веке, где дана эта просветленность человеческого совершенства, и статуями Микеланджело и картинами Джотто пролегает очень большое различие. На западе человек как таковой в эмпирической данности, в Византии человек как идеал божественности, как сын Божий. Возможно, если бы Россия не отделила себя от восточной части мира, и может даже, дав эту прививку западу, этот культурный, духовный паламитский ренессанс пришел бы на Запад, там были для этого основания. Но этого не произошло, а что произошло потом, я вам расскажу на следующей лекции.

Церковь в московском государстве вторая половина XV-начало XVII века

Мы с вами прошлый раз остановились на разговоре об отделении от Вселенского православия, которое произошло в московской части Руси в середине 15 века. Вы помните основные даты: 1439 год Московский митрополит Исидор на Флорентийском соборе соглашается вместе с большинством византийских епископов подписать акт об унии, объединить западную и восточную церковь. В Москве это отвергается и в 1448 году избирается после некоторых колебаний свой митрополит Иона. С этих пор Москва отказывается от традиции, что ее глава ставится в К-поле, т. е. разрывает свои связи с К-полем и более никем не связана в отношении подчинения и начальствования. Над ней больше нет никого, кроме Иисуса Христа, и это состояние называется автокефалией — самовозглавлением.

Вскоре, в 1453 году, К-поль завоеван турками, и Византийское государство прекращает существование как государство, но церковь естественно остаётся. В этой ситуации Москва считает, произошло то, что должно было произойти: К-поль соединился с Римом и за это наказан, и Москва — это последняя сила, которая стоит в православии.

Этому пониманию во многом способствовали сами греки. Дело в том, что для русских епископов и мирян, не особо искушенных в богословии, проблема отношений К-поля с Римом была не очень актуальна и важна. Но греки, для которых это было очень важно, в первую очередь вопрос о юрисдикциях, о власти, о традиции, о богословии, они воспитывали русских непримиримыми врагами латинства с 13 века, с того времени, как К-поль был завоеван крестоносцами. Русские оказались хорошими учениками и восприняли римскую церковь как безусловное зло. Этому же помогала и политика татар, которые чтобы отделить Русь от Европы также всячески давали поправки русской церкви и требовали безусловного неприятия западной церкви.

Теперь это сработало против самого К-поля. Коль учителя, которые так долго учили, что не может быть ничего хорошего из Рима, если они соединились с Римом, значит, они пали и с ними не может быть ничего общего. Правда, очень скоро К-поль порвал с Флорентийской унией, но было уже поздно. Русские епископы почувствовали радость от самостоятельного состояния. Тем более, К-поль был теперь зависим, подчинился иноверной мусульманской власти.

Как вы помните, в 1458 году митрополит Иона берет слово со всех русских епископов, что они никогда не будут обращаться в К-поль, чтобы получить оттуда главу церкви. Это происходит только в восточной части русского государства, в Московском царстве. В западной части, которую мы называет Литовским государством, литовско-русское государство, объединявшее тогда земли нынешней Белоруссии и Украины, процессы в церковном плане идут совершенно другие. С одной стороны остается подчинение К-полю, автокефалия не признается, и единая русская митрополия делится на две части. На митрополию московскую и киевскую. Киевская продолжает быть зависимой от К-поля, где ставят митрополитов. А Московская становится автокефальной. В результате, московская анафематствуется К-полем, потому что автокефалия провозглашена без согласия материнской церкви, и все связи с Москвой прекращаются на 100 лет. А связи с киевской митрополией продолжают: связь с греческим востоком, с афонскими монастырями — всё это в полной мере сохраняется для киевской митрополии, куда приезжают и антиохийский, и к-польский патриархи, приезжают за финансовыми средствами, потому что восток бедствует. Но приезжают и с учительным словом, привозят книги, живой духовный обмен продолжается.

(Западное православие)

С другой стороны в западной митрополии происходит очень важный политический процесс. Дело в том, что литовское государство в 15 веке всё более сближается и, наконец, соединяется с королевством польским в одно целое. Соответственно через католическую Польшу эти западно-

русские земли открываются всему западу. Они открываются и западному католицизму и с 16 века западному протестантизму, который в то время довольно силен в Польше и Литве. То есть Киевская православная митрополия оказывается вовлеченной, пусть на периферии, в общеевропейские культурные процессы и в положительном, и в отрицательном их смысле. Но она живет одной жизнью, там единая культурная и духовная кровеносная система. Идет постоянный спор, полемика с католиками и протестантами, потому что живые католики и протестанты присутствуют в русских землях в изобилии. Оттачиваются богословские аргументы, воспринимаются многие западные методы средневекового и ренессансного философствования, западное искусство, культура и т. д.

Чтобы закончить этот западный экскурс, который нам еще понадобится, скажу, что в конце 16 века, в 1596 году заключается Брестская уния, т. е. епископы киевской митрополии подписывают новый инвариант флорентийской унии. На этот счет были большие споры, но большинство епископов и митрополит подписывают соединение с западной церковью и начинают считать римского Папу своим главой. Но это не разделяется большинством мирян, и культурных горожан, и частью православных аристократов, и простых сельским населением. Сельскому украинскому и белорусскому населению тогда особенно плохо, потому что с середины 15 века, намного раньше московского царства, в литовских землях происходит полное закрепощение крестьянства, крестьяне становятся фактически рабами. Не только православные, католики тоже, но большая часть крестьян литовского княжества, четыре пятых, это православные. Соответственно помещики большинство это католики и протестанты. Казачество всё православное, Тараса Бульбу все читали. Это вызывает не только религиозно-социальный антагонизм в западных землях. Поэтому то, что делают епископы, и, к сожалению, не по богословским соображениям, а по соображениям власти, дело в том, что католические епископы и монастыри имели все привилегии, и на них распространялись права, которые имели светские аристократы и светские поместья. Это огромные богатства, деньги, привилегии, право заседать в сейме. И очень многие этим польстились. А народ, который, может, плохо разбирался в богословии, но понимал, что это религия его поработителей: не политических, литовцев и русских, а социальных — его помещиков. И в этом смысле не шел за своими епископами, произошел драматический раскол, когда светская западная часть Руси осталась православной, а высшее духовенство перешло в унию. Лидером православного движения сопротивления стал знаменитый князь Константин Острожский, один из высших аристократов в Польше, православный. До этого было принято решение, что все светские аристократы члены сейма независимо от религиозной принадлежности, в этом смысле в Литве была веротерпимость, и формально даже в отношении крестьян была веротерпимость, просто так получилось — распалось общество. Права были одинаковые и у православных, и у католических крестьян — то есть их не было ни у тех, ни у других.

Второе, это города Украины и Белоруссии, в том числе Вильнюс, в основном поддерживают православие. Складываются в 16–17 веке братства, которые объединяют православный народ. Первое братство, Львовское, организуется в 1586 году и благословляется антиохийским патриархом Иоакимом. Это братство объединяет мирян и может следить за поведением священников и даже епископов, и если епископы или священники уклоняются в унию, то оно может их отстранять от служения. Миряне приобретают огромное значение в церкви. Они же занимаются церковным образованием, печатанием книг, знаменитая Острожская Библия первопечатника Ивана Федорова, напечатанная в 1580 году именно в Остроге, во владениях князя Острожского. У князя Острожского создается и школа, туда бежит от Ивана Грозного Андрей Курбский, к этому центру православия в Западном крае. Туда же едет и Иван Федоров, выгнанный митрополитом Макарием из восточной Руси.

После Львовского братства, братства создаются в Вильнюсе, в Могилеве, в Полоцке, в Бресте и во многих других городах западной Руси. Наконец, в 1615 году создается Киевское братство, и создается известная братская школа. Мирянство становится центром организации жизни. Откуда это? Это происходит оттого, что города западной Руси уже в 15 веке, когда Литва соединяется в тесную

унию с Польшей, получают Магдебургское право, то есть получают самоуправление. Да, конечно, неравное, богатые имеют больше возможностей, бедные почти не имеют возможности влиять на политику города, это такие купеческие аристократические города как, скажем, Венеция. Тем не менее, народ привыкает, что он сам отвечает за свои дела и свои потребности. И естественно, когда заходит вопрос о религиозной проблеме, и не на кого опереться, епископ ушел в унию, именно народ соединяется и организует свою церковную жизнь. Поэтому церковная жизнь западной части Руси, Украины и Белоруссии, идет по линии все большего и большего культурного сближения с западом, сохранения культурных связей с православным востоком, все большего самоуправления граждан делами своей церкви. Вот эти три тенденции доминируют на западе, хотя постоянно растет сопротивление и давление на них католического мира, потом, в 17 веке начинается урезание в правах, особенно в 17 веке, но этому сопротивляются православный народ западной Руси и достаточно успешно.

Забыл сказать, наконец, создается Киево-Могилянская академия, которая является центром высшего образования. Другое дело, что академия, которую создает Петр Могила, митрополит Киева, во многом копирует западные образцы — других нет, православный восток завоеван, за 100–200 лет он потерял свой культурный потенциал и одичал, к сожалению. Православие сохраняется, но этого великолепного культурного развития, которое было еще в начале 15 века, к 17 веку его нет. Единственное, что есть культурно развивающееся в христианстве — это Запад, поэтому многие молодые люди из зажиточных семей едут учиться на Запад, для этого формально принимают католицизм, тогда это было принципиально. Высшая школа учила своих. Принимали католицизм, учились в западной системе университетской традиции, в этой схоластической системе преподавания, неплохой, но специфически средневековой латинской, и её перенимали. Приезжали, становились снова православными — священниками, некоторые епископами, но естественно они знали только это. Более того, даже ученые греки, приезжавшие к ним, приезжали уже не из К-поля, где ученая жизнь умерла. Приезжали в основном из Венеции, где продолжалась униатская, но греческая культура. Венецианский патриарх, при нем сохранялась и армянская, и греческая образованность, но униатская, поэтому даже греки приезжали с тем же культурным базисом. И последнее. Светская власть была не своя. Король был католический, выбирался сеймом, государство с середины 15 века было республикой. Король не наследовал престол, а выбирался на сейме, пожизненный президент. Это была реальность католической жизни, он был католик, католическая церковь была главенствующей, и православные себя чувствовали в некотором смысле людьми второго сорта, а в некотором смысле свободными от власти, они чувствовали, что власть не их. Да они ей лояльны граждански, но не обязаны прислушиваться к её авторитету, да и власть радовалась, когда православные переходили в католицизм, но в дела православных самих по себе не лезла, плохо их понимала. В этой удивительно сложившейся свободе сформировалось западнорусское православие.

(Московское православие)

Совершенно иначе процесс проходит на востоке. Отделение от всего, от чего можно было отделиться, включая киевское православие, которое было литовским и враждебным. При Иване III, середина 15 века, Литва становится не другим русским государством для московских политиков, она становится главным врагом. То, что там еще сильно православие, тем хуже, потому что оно претендует на объединение всей русской земли, а Москва не хочет с ними объединяться. Почему? Потому что мы единственное православное царство. Литва стала в основном католической, значит, она ушла в латинство. К-поль завоеван. Где еще православные царства? Их нет. И возникает теория Москвы — Третьего Рима. Первым об этом пишет иеромонах Симеон Суздальский в середине 15 века. Он еще князя Василия Васильевича, отца Ивана III, именует царем всея Руси и белым царем, говорит в Руси православие более всех. Он уже после падения К-поля начинает разговоры, что Русь — это

единственная православная держава. И когда Иван III становится великим князем, и особенно, когда вдовееет в первом браке, он всё более и более мыслью стремится утвердить этот принцип единственного православного царства.

Для этого он сватается к племяннице последнего византийского императора Константина XI Софье Палеолог. В 1472 году, т. е. через 19 лет после падения К-поля, Софья Палеолог вступает в брак с Иваном III. Но этот брак только по видимости является воссоединением с Византией, только по форме. Да, с Софьей Палеолог на Русь приезжает двуглавый орел, который с этого времени становится геральдическим символом Руси, и многие обычаи византийского двора. Князь все больше отделяется от своих бояр, он уже не первый среди равных, он принципиально иной. Что внушали всегда греки, митрополиты и патриархи, русским, что вы русские князья не равняйтесь с к-польским императором, таких как вы князей много, а царь один во всей вселенной. Как писал патриарх Антоний еще великому князю Василию Дмитриевичу в самом начале 15 века: невозможно христианам иметь церковь и не иметь царя, ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и невозможно отделить их друг от друга. Конечно, канонически это абсолютная чепуха. Но к тому времени так уверены в этом греки. К-поль тогда еще не пал, и смысл письма заключается в том, что вы не обращайтесь внимание, что К-поль слаб, что остался всего один город, окруженный турками. Все равно в нем царь всего православного мира. Он ваш глава и он в соединении с патриархом управляет всей православной церковью.

Но теперь уже нет царя православного, и К-польский патриарх не может никак управлять церковью с московским князем. Да и князь, только князь, да и патриарх в плену у турок. Что делать? Иван III решает, что он должен стать новым повелителем всех православных. Поэтому-то брак с Софьей Палеолог. Но Софья Палеолог, её вывезли в Италию, всю жизнь провела и училась в Риме, она культурная итальянская принцесса. Говорят, не очень красивая, толстенькая, но зато с каким прошлым! Очень образованная культурная женщина с огромными амбициями. Её сватает Римский Папа. Они в этом заинтересованы, потому что считают, что вместе с Софьей приедет уния на Русь. Ничего подобного не получается. Софья не так глупа. Она предпочитает быть византийской императрицей в Москве, а не одной из многих католических королев. В этом смысле, когда она приезжает на Русь, политика меняется.

Но все равно связи с Западом очень крепки. Именно в это время возводятся соборы Кремля, приглашается Аристотель Фиорованти, строятся стены Коломны, современные стены Кремля. Все это строят итальянские архитекторы. Замок Ферраро и наш Кремль похожи друг на друга как две капли воды. Монгольские нашествия появились позже. Но если вы их уберете, то увидите что это итальянские крепостные башни того, 16 века.

Вся эта итальянская культура приходит на Русь, но она высокая и очень поверхностная, только при царском дворе, только в близком кругу. А народ и церковь страшно пугаются, потому что приходит непонятная западная латинская традиция, а своя не может. Очень характерная история, что Успенский собор, который пытался своими силами построить Иван III. Пригласил псковских мастеров, из тогда еще независимого Пскова. Но он рухнул, потому что не умели уже строить крупные сооружения. И тогда уже пригласили итальянцев. С Ивана III и врачи уже все итальянские и немецкие у русских князей. Сам Иван еще не решается объявить себя царем, но он втайне, и эта тайна потом служила очень плохую службу этому мальчику, втайне своего внука **Дмитрия Ивановича**, сына Ивана, венчает полным византийским чином на царство. Обычно считают, что Иван Грозный первый русский царь, но первый это Дмитрий Иванович. Бедный мальчик, когда умер дед, **Василий Иванович**, сын от Софьи Палеолог, заключает Дмитрия в тюрьму и в 1509 году умерщвляет. Поэтому сам Василий III из-за этого никогда сам не венчался царской короной. Именно потому, что при нем был живой царь, и это знали на Руси.

Одновременно происходит, при политическом разделении, умаление роли митрополита и церкви как таковой. Церковь все больше становится, если угодно, одной из функций, пусть важной, великокняжеской власти. Иван III уже не слушает, когда митрополит делает ему замечания. Но еще не трогает, не решается. Его сын, великий князь Василий, запросто может смещать митрополита и назначать на его место того, кого считает нужным. Фактически царство съедает церковь. Когда митрополит московский воспротивился тому, чтобы Василий III развелся со своей живой и здоровой женой Соломонией Сабуровой в девичестве и вступил в новый брак с литовской княжной **Еленой Глинской**, приехавшей на Русь, которая была в 2 раза его младше, якобы потому что Соломония была бездетна, а злые языки говорили, что бездетен Василий, тогда по приказу Василия митрополита свели с кафедры, заковали в кандалы и отправили на Кубенское озеро, в Вологодскую губернию. На место принципиального митрополита **Варлаама** поставили безвольного, даже склонного, как говорили, к половым извращениям, митрополита Даниила, который ни слова не сказал. Все восточные патриархи написали, что тебе нельзя разводиться с живой женой и вступать в новый брак, ты погубишь царство. Но пренебрегая волей всех восточных патриархов и всей церкви, желая соединиться с молодой женщиной, которую страстно полюбил, Василий III совершает вот такое. Он убивает законного царя, своего единокровного брата Дмитрия, не одного его, боярам, которые с ним спорят, уже запросто вырезают языки, не убивают еще, низводит митрополита и ставит своего ставленника, который ничего не может возразить. От Елены Глинской рождается Иван Грозный, но опять же злые языки говорят, что совсем не от Василия Третьего, а от молодого литовского боярина Телятьего-Оболенского, который вместе с Еленой приехал на Русь и уже тогда будучи её возлюбленным. Никто этого сейчас проверить не может, но в любом случае, этого ребенка, от кого бы он не был рожден, его называют даже в официальных русских летописях ублюдком. Вы знаете грубое слово, которым обозначают на Руси публичную женщину. Ублюдок производное от этого слова, рожденный от такой женщины. Речь идет о том, что этот брак незаконный, это прелюбодеяние, законная жена Соломония и соответственно ребенок рождён в блуде, ребенок осквернен от самого своего рождения. Вы знаете, что Иван IV Васильевич эту печать нес на себе, так или иначе.

Церковь все больше попадает под влияние государства. Но это только одна сторона. Вторая сторона внутрицерковная, не менее важная. Дело в том, что когда порвалась связь с культурным христианским миром, то прерывается связь и с мистической традицией Востока, проводником которой на Русь был преподобный **Сергий Радонежский**, **Кирилл Белозерский**. Это движение исихазма. Таким продолжателем традиции **Сергия Радонежский** является **Нил Майков Сорский**. Он жил в 15 веке, 1433–1508 гг., учился на Афоне, практиковал эту мистическую традицию, даже написал небольшую книжку из цитат отцов, где доказывает, что надо заниматься этим умным деланием, духовной молитвой, это самое главное дело и для монаха и для мирянина. Это, пожалуй, последнее такое движение на Руси. У него есть последователи, и **Нил Сорский** и его последователи обосновываются уже не в центре Руси, не рядом с Москвой, как **Сергий Радонежский**, там всё меняется, они на далекой окраине в заволжских лесах, в районе Кирилло-Белозерского монастыря на реке **Соре** — поэтому он **Сорский**. Там они строят свои скиты, живут по два по три, питаются от изделий своих рук, не принимая никаких даров от мирян, кроме крайних обстоятельств, но наоборот, уча мирян, принимая к себе всех, кормя, если есть чем в голодные годы. Подвижническое аскетическое житье, похожее на **Сергия Радонежского**. Эта традиция преподобного **Сергия** продолжается теперь в Заволжских скитах. Это последняя струйка еще с Афона, **Нил Сорский** успел поучиться на Афоне и успел приехать на Русь, пока окончательное разделение не произошло Русской и Греческой Церкви. Его известным учеником, который прямо как преподобный **Сергий**, из знатного боярского рода князей Патрикеевых (от слова патриций, русский род возможно с греческими корнями) **Вассиан**, князь-инок, пошел учиться к **Нилу Сорскому** и стал со всей горячностью, силой и культурой аристократа проповедовать его монашеское делание.

В это время в Москве происходит иное. Начинается эпоха ересей, которых до этого Русь не знала. Русь знала много других гадостей: подкупы, симония, попытки поставить епископом ставленника князя, но народных еретических движений не знала. Первое народное еретическое движение, которое возникает на севере, в новгородской земле, распространяется по Руси (тогда Новгород еще независим), это ересь стригольников. Стригольники, типичное еретическое движение общеевропейского контекста 13–15 веков, возмущены церковным мздоимством, продажей церковных должностей, что священники заботятся о своих доходах, а не об окормлении своих пасомых мирянах, что священство перестает быть самим собой. Люди возмущаются этим всегда, но еретичность в том, что они говорят: коль такая церковь, то мы в нее ни ногой. И причащаться не будем, и детей крестить не будем. Потому что не у кого причащаться, и не у кого креститься. Как раз церковь обычно говорит: да священник или епископ может быть недостойным, но тогда Таинство преподает Сам Иисус Христос. Нам не надо копать, хороший священник или плохой, пьяница или развратник, да, это очень плохо, мы можем не прислушиваться к его словам, как к словам духовника, но таинство совершает Сам Господь. Здесь как раз еретичность в том, что они связали поведение духовенство с самим пребыванием в Церкви. Но то, что поведение духовенства на Руси было в основном безобразным, об этом ересь стригольников свидетельствует с безусловностью. Тогда возникает явление, которое до сих пор у нас очень распространено. Нельзя просто так прийти к священнику, надо знать к какому, надо знать старца, надо знать настоящего духоносного мужа, к нему можно прийти. А к кому попало нельзя. Этот поиск истинного христианства и старчества, который в болезненной форме, учитывая всю полноту церкви, существует на Руси до сих пор, этот поиск возникает именно в эту эпоху. Потому что церковь становится государственной, она питается из государственного кошта, выполняет госзаказ, и люди становятся чиновниками, а народу это не нравится и не нужно. Ему нужны не чиновники, а отцы и старшие братья. Но как специально перед нами открывается эта панорама в такой ясности и простоте, которая даже для историка удивительна.

Проходит ересь стригольников, только присоединен Новгород к Москве (в 1471 году Иваном III, в 1478 году второй поход) и ликвидируется, слава Богу не убивается, новгородское боярство, до убийств дело дойдет немного позже, как возникает следующая ересь — жидовствующих. Это уже конец 15 века, Иван III. Почему ересь жидовствующих? Из Польши в Новгород приезжает несколько проповедников евреев-иудаистов, не простых иудаистов, а тоже реформаторских, и они начинают рассказывать о том, что Иисус никакой не Мессия, что есть только Ветхий завет, что надо соблюдать субботу, все обычные вещи, и доказывают, открывая Писание, что все христианство — это обыкновенная ошибка. Такое иудаисты говорили уже полторы тысячи лет, и естественно христиане знали тысячи аргументов, которыми можно это опровергнуть, но удивительно, что в Новгороде не только никто не опроверг, но маститые протопопы, настоятели Софийской собора, игумен Юрьевского монастыря — крупнейших новгородских святынь — они все верят в это. Проповедники почти не встретили сопротивления. В Новгороде почти все культурные люди с ними согласились. Более того, через связи, которые после присоединения были между Новгородом и Москвой, эти круги легко распространили учение в окружение Ивана III. И Иван, уже умирая, каялся, что он сам был согласен с ересью жидовствующих. И эти новгородские священники были назначены настоятелями кремлевских соборов при Иване III, настолько эта ересь была придворная. Это говорит о полном невежестве. Естественно, что такие проповедники могли появиться, но то, что им поверили, говорит об одном — произошел полный обвал культуры, полное невежество.

Какой же был аргумент против? Не то, что это богословски неверно и расходится с принципами христианства. Главный аргумент был, что этого раньше не было. Отцы учили не так, во времена отцов говорили, что Иисус Христос — Бог и так далее. Т. е. аргументация была к старине, а не к истине — это особенность этого спора конца 15 века. Главными противниками, благодаря которым ересь жидовствующих была прекращена, это был новый новгородский архиепископ Геннадий и

небезызвестный игумен Волоцкого монастыря Иосиф. И Иосиф, и Геннадий считали, во-первых, что спорить с еретиками бессмысленно, их все равно не переспоришь. Как писал Геннадий, «да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить, так и бы о вере никаких речей с ними, (т. е. с еретиками) не плодили. Токмо для того надо учинить собор, чтобы еретиков казнить, жечь и вешать». Т. е. не надо с ними спорить, все равно не переспоришь, они лучше знают, надо просто их уничтожать. Такое было на Руси впервые, религиозных казней никогда не было.

Архиепископ Геннадий, как это не странно, вообще постоянно смотрит на Запад. Это эпоха Ивана III, все смотрят на Запад. Архиепископ просто ссылается на опыт гишпанского короля — Святая инквизиция. Гишпанский король-то своих еретиков жег, и мы должны жечь. И так убеждает Ивана III, он побуждает Ивана разорвать с этой ересью, и начинаются на Москве процессы и сожжения и другие казни — и в Москве, и в Новгороде — сторонников жидовствующих. Но обратите внимание! Не спор, не полемика, а именно уничтожение. В этот момент что делают несчастные жидовствующие? Они, конечно, бегут. Куда им бежать? Они бегут к Нилу Сорскому и его ученикам. Нил Сорский понимает сразу, что они еретики, по возможности убеждает их, но он их принимает, дает еду и кров, защищает, несмотря на то, что они еретики, и пытается их переубедить. Они ведь книжные люди и понимают.

Тогда разгорается принципиальный конфликт между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским. Иосиф много пишет, он горячий сторонник того, что Москва — Третий Рим, и московский князь — это новый царь всего православия. Но при этом он очень строг к московскому царю: если ты будешь защищать православную веру, ты будешь царем православным, а если нет, будешь с еретиками — будешь хуже еретика! То есть сам статус царя еще ничего не обещает. Только послушание православию. Но для того, чтобы слушать православие, надо изучать старину, как было раньше на Руси. Почему? Простой аргумент. Первый Рим погиб, Византия погибла, потому что они всё время пытались что-то менять. А Русь не погибла, значит, её традиция правильная. Мы не только не погибли, но в 1480 году Иван III рвет татарскую грамоту, стояние на Угре и формальное прекращение ордынского ига. Мы наоборот возвышаемся и усиливаемся. Какие у нас соборы строятся! Значит наша вера правильная, мы должны на нее ориентироваться, а не на что-то иное. И вот в этой ситуации Иосиф Волоцкий говорит о том, что мы должны создавать новое православное царство — новые священники и епископы. Коль царство, то все должно быть. А откуда взять все это? Для этого должны создаваться школы и появляться образованные люди. Но образованные в чисто русском смысле слова — умеющие читать и писать — священники, которые могут служить по книгам. Ведь в 16–17 веках многие священники служили наизусть и были неграмотные. Из-за этого потом возникло много проблем.

Значит, надо учить грамоте, а для этого надо иметь деньги. Откуда деньги? Если хочешь контролировать царя, то должен иметь независимые от него источники дохода. Царь может стать еретиком, Иван III чуть не стал. Источник дохода — имущество. Церковь может получать его одним образом — это богатые люди по завещанию часть или все имущество отдают тому или иному храму или монастырю на помин души. Эти имущества надо сохранять и ими жить. Иосиф Волоцкий исходит из того, что Церковь должна сама стать очень крупным владельцем имущества, чтобы воспитывать культуру, народ и церковь.

При этом никакого глубокого образования, мистического рассуждения. Иосифу Волоцкому принадлежат слова: самый главный враг для души и спасения — это мнение. Мнение — второе падение. То есть никакого собственного мнения иметь нельзя. Вот что есть, что было — это и производите впредь. Соответственно у него очень негативное отношение к заволжским старцам. Они враги. У нас на Руси очень любят друг друга считать врагами, а Вассиан Патрикеев говорит: какие же мы враги? Твои мы может и враги, Иосиф, но не враги православия. Разве у Христа были деревни и села?! Разве он владел имуществом? Разве апостолы владели чем-нибудь? Апостол Павел пишет, что у него ничего не было, кроме плаща и нескольких книг. Какое же православие ты создаешь? Православие имущества, а не православие веры.

Тогда на Руси начался спор, который вошел в историю и тогда же был назван спором иосифлян и нестяжателей. Последователей Нила Сорского назвали нестяжателями, потому что они не ищут имущества. Конечно, это вызывает огромную симпатию людей.

Надо сказать, что этот спор еще при жизни Нила Сорского, при Василии III, завершился в пользу иосифлян. Собор, созванный на Руси в 1503 году признал, что позиция иосифлян правильная, а позиция Нила и заволжцев неправильная. Но этим дело не кончилось. Нил Сорский успел умереть спокойно. Вассиана Патрикеева уже сажают в тюрьму в 1531 году. Сажают в тюрьму и выступившего против нового брака Василия III ученого греческого монаха, приехавшего по просьбе самого царя на Русь, Максима Триволиса, который в нашу историю вошел под именем **Максима Грека**. Интересно, что и Вассиана, и Максима, образованнейшего человека, окончившего Падуанский университет, но при этом ревнителя византийского православия, их обоих отправляют в заключение в монастырь Иосифа Волоцкого в Тыряеву слободу, к главному врагу. Оба там тяжело страдают.

После этого происходят очень важные события в Русской Церкви и в государстве. В 1547 году **Иван Грозный, сын Василия, помазуется на царский престол**, становится царем по византийскому чину. Когда-то королевскую корону предлагал еще Ивану III Император Священной Римской Империи Фридрих III в 1489 году, но Иван отказался от королевской короны, хотя с этим не был связан ни переход в католицизм, ни клятва вассала. Он отказался, потому что мы русские государи от Бога поставляемся и не нуждаемся в человеческом поставлении. Аргумент тоже, надо сказать, не очень смиренный.

Когда поставляется на царство Иван Васильевич, то через 10 лет происходит утверждение этого поставления восточными патриархами. То есть 1557 год можно считать формально концом схизмы, отделения Руси от всего христианского мира, которое произошло в 1448 году. Патриархи признали Ивана Грозного царем и тем самым признали, что Русская Церковь — это их автокефальная сестра.

Еще до этого в 1551 году при митрополите Макарии и при Иване Грозном созывается собор, который получил название **Стоглавого**, потому что он принимает решение в ста главах, ста положениях. Именно на Стоглавом соборе были приняты основные документы, принципы Московского православия. Что это за принципы и документы? Во-первых, это сам Стоглав, канонизация множества русских святых. Принятие написанной священником Сильвестром книги Домострой, в которой определялась подробно вся жизнь человека от момента, когда он начинает что-то осознавать, до последнего издыхания. Ничего нельзя делать просто так. Все должно быть правильно, священо. И написано, что и как надо правильно делать.

Что считает правильным Сильвестр и что одобряет Стоглавый Собор? Там, конечно, есть очень правильные мнения и верные богословские суждения, но главная идея — весь быт, который был в московской Руси в 14–15 веке, священен. Например, бритье бороды: если человек бреет бороду, его и отпевать нельзя, и поминать нельзя, и частицу на жертвеннике за него вынимать нельзя. Он должен быть как еретик, потому что на западе бреют бороду, а здесь не бреют, значить он как на западе — еретик. Вы видите, что во всем очень жесткие ограничения. Какая главная мера принуждения? Не слово, не аргумент, не дискуссия, а побои. Если кто-то не слушается, что говорит отец, муж, старший, его надо просто бить, пока не начнет слушаться. Все четко, просто, ясно. Мы люди не книжные, какие нам аргументы? Кстати, и с книжностью позаботились. Вводится Макарием 20 лет составлявшиеся Великие Минеи Четьи. Это на каждый день чтение в течение года: жития, произведения древних святых, переведенные на славянский язык. Вот вам чтение. Умеешь читать — каждый день читай. Что попало читать не надо, в большом чтении только заблуждение. И наконец, **Степенная книга** — тоже принимается на соборе. Это каноническая история Российского государства и династии Рюриковичей. Если угодно, это концепция учебника истории. Она принимается как канонический текст. Вот так надо видеть историю.

Мы видим в этом Стоглавом соборе огромный испуг. Россия в 16 веке снова открывается Западу. Куда деваться после Ивана III? Приезжают какие-то западные люди, уже за этот век произошло такое отставание культуры, что остается только держаться за старое. Старое, свое, оно не подведет. Все свое хорошее, все чужое плохое. Не потому мы держимся, что это спасительное, евангельское, что это православие — таких аргументов нет. Мы держимся за те или иные обычаи, тут или иную систему богослужения, одежды, внешнего облика, только потому, что так было принято у нас на Руси, ибо Русь священная. Именно Стоглавый собор признает канонически верными тексты, которые утверждают идею Москвы — Третьего Рима. Незадолго до этого старец Филофей из Спасо-Елизарова монастыря под Псковом писал Василию III, потом молодому Ивану Грозному: два первых Рима пали ересью, и ты как некий Ной в ковчеге спасся один, и ты должен хранить православие. Прочту небольшую цитату: «Церковь православная сначала бежала из ветхого Рима в Новый, т. е. К-поль, но и там покоя не обрела, соединения ради с латынской ересью на восьмом соборе, флорентийском, и оттоль в К-поле церковь разрушился в погнание, царствие же паки в Третий Рим бежа, иже есть в Новую Великую Русию. Вся христианские царства снидошася в едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Твое христианское царство иным не достанется. Един ты во всей поднебесной христианам царь». Вот такая концепция.

Понятно, что все русское прекрасно и замечательно. Но это невероятное культурное одичание. Это свое, но оно очень примитивно. Как сказал замечательный эмигрантский историк русской церкви Г. Федотов: москвич этого времени примитивен. Он обожествляет то, что абсолютно преходяще — быт. И он ничего не знает о том, что по-настоящему божественно. И это не замедлило сказаться. Стоглавый собор и Макарий — это некий расцвет церковного общественного делания. Но очень быстро всё меняется. Царь Иван IV победоносно идет на Волгу и объединяет с Московским государством уже давно вассальные Москве ханства Казани и Астрахани. Он их завоевывает и присоединяет. Вся Москва рукоплещет, все замечательно. Царь решает, что надо действовать дальше, коль так все хорошо, надо идти дальше. Куда идти? Этот вопрос политически был важнейший. Литва и Польша, которые тогда еще не до конца порвали с Русью, говорят, давайте вместе пойдем и освободим Крым, который постоянно делает набеги на Москву и Литву. Освободим Причерноморье и тем самым откроем свободное движение из Москвы в Европу. Объединенный поход христианских государей против мусульман — модная тогда идея. Не забудем, что всего 100 лет прошло после падения К-поля и битвы на Варне. За это выступает и митрополит Макарий и весь узкий совет царя, Адашев, Сильвестр, за этот южный поход. Но Иван склоняется к другому. Надо вернуть мне мои отеческие вотчины, то, что имели мои отцы, Украину и Белоруссию. Отцы — это древние князья Рюриковичи. Да и варяжские земли тоже — Прибалтика в руках отчасти датчан, отчасти поляков. Это тоже надо вернуть.

Начинается Ливонская война, неудачная потому что с татарами можно было воевать, они сами не обладали совершенной военной техникой. А запад за эти 100–150 лет совершил огромный рывок во всех технологиях. Уже совершенно другая система построения армии, вооружений. Столкнувшись с западными армиями, пусть не лучшими, польская армия тоже довольно отсталая, царь терпит поражение. Не с самого начала, но потом поражение за поражением.

Что может думать русский царь, если он наследник единственного истинно православного царства? Почему поражение? Только из-за предательства и колдовства, потому что так он не может... Даже он, культурный человек, был в системе представлений 16 века. Есть даже хорошая работа «Иван Грозный как ренессансный князь». Он типичный ренессансный правитель по своему мировоззрению. Он отстраняет Сильвестра, Адашева, казнит. Большие личные проблемы, умирает любимая жена, женится вторым браком, и уже всё совсем не так. Многие считают, что жена отравлена. Сам он чуть не умер и видел, как делили его престол бояре. Он понимает, что заговор вокруг. Начинается страшная

гражданская внутренняя война. Московское государство разделяется на опричнину и земщину, начинается избиение народа.

Тогда в русской жизни, пожалуй, последний раз, решительно звучит голос церкви. Это митрополит Филипп Колычев. Из известного боярского рода, сильный культурный человек, он воспротивился репрессиям, которые совершает Иван IV, и в 1569 году по приказу царя сначала смещен с престола, а потом убит Малютой Скуратовым.

Другой ближайший соратник Ивана Грозного, культурный и образованный князь Андрей Курбский бежит к князю Острожскому на Западную Русь и оттуда пишет послания, где обвиняет в деспотизме царя и в безгласии русскую церковь, потому что после митрополита Филиппа новые митрополиты уже не решаются ничего сказать, они полностью подвластны царю, во всем с ним согласны. Это митрополиты Кирилл и Антоний.

Иван Грозный умирает, до этого успевает убить своего старшего сына и наследника Ивана. При царе Федоре Ивановиче происходит важное событие, последние из ключевых событий старой Руси. В 1589 году в Москву на Русь приезжает К-польский патриарх Иеремия II. Он приезжает в первую очередь за милостыней, жизнь греческой церкви под турками тяжка и нища. Нужны деньги. Но он приезжает еще с одной мыслью. Он приезжает не один, с ним еще несколько епископов. Он предлагает царю Федору Ивановичу и фактическому правителю Борису Годунову, женатому на сестре царя, предлагает невероятную вещь. То о чем только мечтали русские династы с Василия II — перенести вселенский К-польский престол в Москву. Это настолько невероятно, что наши и митрополит, и Годунов опешили, но быстро все поняли. Конечно, приятно, что центр православия, вселенский престол будет перенесен на Русь. Но что это значит? Приедет Иеремия II, с ним еще полсотни епископов и митрополитов, монахов несколько сотен, разных мирян из Италии и Османской империи, а наше русское-то самостийное, которое выстояло, оно же будет в поношении. Оно же будет не главное, да и перед греками стыдно, они все ученые, а мы и книжки почти не читаем. Они тогда все узнают, какие мы. Лучше не надо. И очень вежливо Иеремии II сказали, давай так, если уж совсем плохо, переезжай митрополитом во Владимир, а в Москву нам поставь нашего русского патриарха. И после долгих уговоров и, видимо, больших подарков Иеремия 26 января 1589 года возводит в патриархи митрополита Иова. В 1591 году патриаршество утверждено вселенскими патриархами, и с этого времени Москва является пятым равночестным патриархатом Востока.

Это колоссальный потерянный шанс. Конечно, к концу 16 века греки многое растеряли, но многое и приобрели. Они все учились на Западе, были культурными людьми, но в то же время в Греции хранилось много культурного, знающего. Вот это старинная древняя культура не умерла, поэтому переход греческого вселенского патриархата на Русь, может быть, был бы той православной инъекцией, которая вывела бы Русь из состояния одичания. Но не получилось. Иеремия уехал обратно с подарками, Русь осталась сама с собой.

К сожалению, после этого скоро наступает Смутное время, хотя всеми силами старался Борис Годунов культурно возродить Русь, но он шел иными путями. Он не понимал К-поля, на самом деле по большому счету презирал его, он был таким западником, смотрел на Запад, посылал на Запад учиться русских детей. Удивительное дело, из них никто не возвращался, никто! Все где-то растворилось, мы даже не знаем, что с ними произошло. Между тем, наступало страшное время. Три года полного голода, за три года земля не родила ничего, 1602–1604. Началась общая смута, люди умирая от голода врывались в города, помещики отпускали крестьян, потому что должны были их кормить. Рухнуло русское царство. Вы помните, что имя Бориса Годунова навсегда осквернено рассказом об убийстве им последнего отпрыска Рюриковичей царевича Дмитрия. Строго говоря, даже если бы он не был убит, он никаких прав на престол не имел, он ребенок от седьмого, незаконного,

невенчанного брака. Если уж Ивана Васильевича именовали ублюдком, то как уж именовать царевича Дмитрия. Но на Руси так никто не думал. Наоборот, он был наследник великого рода.

Интересное дело, при Федоре Иоанновиче жизнь была довольно спокойная, никого не убивали, в лучшем случае ссылали даже реально замышлявших смуты Шуйских. Народ отдыхал. Но ни одного слова осуждения террора Грозного не было ни при нем, ни при Годунове не было. Об этом предпочитали забыть, и очень скоро Грозного начали хвалить. Хотя хвалить было совсем не за что. Это человек, который погубил, совершенно морально окончательно уничтожил русский народ. Смутное время произошло во многом из-за этого. Не было никакой социальной солидарности, никакого общественного единства. Каждый спасался в одиночку, а в тяжелых ситуациях в одиночку не спасешься, человек ведь животное общественное.

И вот в этой ситуации разворачивается Смутное время, его историю вы знаете. Интересно, что второй после Иова патриарх Гермоген без всякого сомнения в 1610 году признает польского царевича Владислава Московским царем и приносит ему присягу вместе с митрополитом Филаретом, будущим патриархом.

С северо-запада идут шведы, с запада — поляки. Они приглашаются русскими людьми. Шведов приглашает Новгород. Смута такова, что, кажется, только человек извне может прийти и навести порядок. Ведь в Швеции и Польше порядок, значит и на Руси будет порядок. Поэтому с радостью соглашаются на королевича Владислава, другие интригуют в пользу Шведского принца. Но Русь, которая еще недавно дрожала сохранить все свое, ведь мы самые великие, мы единственные которые упасли все, эта Русь готова отдать любому интервенту. Но не случилось. Так сложились обстоятельства, что это не сложилось, и в итоге избирается на царство Михаил Федорович в феврале 1613 года. И новый период очень интересен. О нем надо говорить специально, я буду говорить о нем на следующей лекции, но суть его заключается в том, что сталкиваются две тенденции. С одной стороны все более и более идущий на Русь Запад. Без него уже никак нельзя. Русь настолько отстала, что уже без очень мощной инъекции западных технологий и практик жизни да и просто моды жить нельзя. С другой стороны, это старое московское благочестие сохраняется, но уже не как великая данная ценность, а как то, что надо возродить. Этого нет, после Смутного времени уже никакого благочестия нет, надо возродить.

Если бы эти две тенденции сталкивались у разных людей, это было бы еще полбеды. Они сталкиваются в головах одних и тех же людей. И из-за этого происходят некоторые удивительные вещи, которые определяют собой 17 век и, в общем-то, приход Императорской России, но об этом мы поговорим в следующий раз.

Церковь в России в XVIII–XIX вв.

Дорогие друзья, мы начинаем разговор об очень близком к нам и драматическом периоде. Это период, который начинается после Смутного времени начала 17 века. Смутное время в принципе было бы невозможно, если бы христианское сознание общества и социальные связи, порожденные этим сознанием, были бы на высоте. Но предшествующий период Василия и Ивана Грозного совершенно разрушили общество. Вспоминаются слова Карамзина, сказанные по другому поводу, но по сути очень верные: как трудно общество создать, оно слагается веками, намного легче разрушать безумцу с дерзкими руками. Вот такие безумцы с дерзкими руками разрушили общество, они его атомизировали. Для удобства управления в интересах правителя люди должны быть отделены друг от друга, превратиться в отдельные атомы и бояться думать. Это и произошло. Каждый выживал в одиночку. Каждый в этой драме начала 17 века пытался решить свои проблемы за счет общества и другого

человека. Страна разрушалась. Естественно, это абсолютно не христианские и не религиозные принципы. Христианский принцип солидарность, когда люди помогают друг другу. По тому узнают, что вы Мои ученики, что вы имеете любовь между собою, говорит Христос. Тот, кто другим, а наипаче ближним, не помогает, тот не христианин, говорит апостол Павел. Здесь же полное разъединение, каждый преследовал свой интерес.

Вот характерный пример: при правлении Бориса Годунова отменяется Юрьев день, происходит полное закрепощение крестьян в интересах помещиков. Помещики хотели, чтобы крестьяне никуда не могли от них деться, чтобы они могли брать их труд в любом количестве. Пока только труд, 18 век даст примеры пострашнее. А тут происходит Смутное время, три года голода. У помещика есть обязанность перед крестьянами, когда крестьянин старый, голодный, надо его кормить. Еды нет, и помещики отпускают на волю своих крестьян. Умирайте свободными. Пока вы работали и были живы, вы мне были нужны, а умирайте каждый сам по себе. Естественно, люди не хотят умирать и уходят в разбойники, уходят в казаки — и это одна из причин Смутного времени — огромное количество гулящих людей, грабителей, которые нападают на города на монастыри. Для них уже нет ничего святого, потому что все святое разрушено в предшествующую эпоху. Когда нет государства, все рухнуло, и нет связей между людьми, находятся иностранные державы, в данном случае Швеция, Польша и Турция с юга, которые пытаются просто захватить земли России, а Польша хочет всю Россию, как была присоединена Литва, так теперь и Восточная Русь.

И здесь просыпается народное сознание в попытках солидаризироваться. Уже в 1611 году возникает ополчение Прокопия Ляпунова в Рязани. Трубецкой приходит с казаками с юга на помощь московским обывателям. Почему собственно понадобилась помощь: все присягнули королевичу Владиславу, согласились с тем, что Россия будет в унии с Польшей. Патриарх Гермоген и все согласились. Но когда стало ясно, что королевича вообще не будет, и уж тем более он не будет переходить в православие, а править будет непосредственно польский король Сигизмунд, тогда народ стал возмущаться, и поляки устроили в Москве резню в 1611 году. Это всколыхнуло сознание, люди поняли, что их обманывают, что страна катится в пропасть и теряет национальную независимость. А никого нет! Церкви нет, патриарх присягнул царевичу Владиславу. Царя нет тем более, Шуйского прогнали. Ничего нет, и люди поняли, что они должны сами. И они не просто организовались. Первое ополчение было неудачным, Прокопий Ляпунов погиб. Но второе ополчение всем известных **Минина и Пожарского** оказалось удачным, и после многих распрей люди поняли, как они могут обрести единство. Обратившись ни к Церкви, ни к какому-то первоиерарху, хотя церковь помогала. Главную роль объединителя страны от такой формальной церкви играла **Троице-Сергиева Лавра**, и послание иноков Троице-Сергиевой Лавры не подчиняться полякам и шведам, а собраться с силами и организовать и воссоздать страну. Люди поняли, что вера их должна спасти, их собственная вера и собственные христианские отношения друг с другом. Удивительно читать письма и послания того времени. Люди перестали именовать себя уничижительными именами. Ведь раньше, когда писали царю, даже если это боярин, «пишет тебе Ивашка такой-то, Андрюшка такой-то». А тут стали именовать себя по имени-отчеству, Петр Николаич, Никита Андреевич. Даже крестьяне северных областей пишут друг другу, обращаясь с удивительной формулой «Господа мужики!» Это огромное уважение друг к другу, которое просыпается в обществе. Как раз 21 октября, 4 ноября по новому стилю, день который сейчас считается национальным праздником, все люди, которые собрались вызволять Москву, молились у иконы Казанской иконы Божией Матери, чтобы Бог даровал им единство. Не победу — единство! Что намного важнее, единомушие. И это единомушие появилось, и в итоге страна восстановилась. Но как она восстановилась — на основе уже не абсолютной монархии, а соборного государства. Возникает система соборов, на соборе избирается **Михаил Романов**. Его мать инокиня Ксения завещает своему 16-летнему сыну править только с земским и освященным

собором, и первые годы соборы собираются все время, каждый год. Царь не правит один, он правит совокупной волей. Это и есть единодушие.

В каком духовном положении оказалась Россия после преодоления Смуты. Люди были воодушевлены. Уровень религиозности стал возрастать после страшного упадка в Смутное время, но с другой стороны обнаружилось, что очень низок уровень культуры в обществе. За период Московского царства, которое началось с Ивана III, уровень народной культуры стремительно упал. Люди и малообразованные и страшно отстали от Запада. А Запад — это и постоянное противостояние, и технологии. Как тут быть? Идея замыкания в себе уже совершенно не модная. Нельзя замыкаться, уже ясно, что именно это привело к катастрофе. Поэтому и соборы, и цари Михаил и Алексей стремятся открыть страну, сохранив святыни православия и традиции. Они стремятся сделать православие опять вселенским. Тем более царь Алексей мечтает о том, чтобы стать вселенским православным царем и даже императором, освободив от турок К-поль и земли былой Византии, Греции. Начинается паломничество греков и южных славян на Русь, люди приезжают, как бы возбуждая это желание, чтобы Русь как свободное православное царство освободило их от мусульманского гнета. Но для этого необходимо сделать православие действительно единым. А за время замкнутого существования московского царства, особенно после Стоглавого собора 1551 года, утвердилось такое домашнее православие с массой мелочей, ошибок, расхождений в богослужебных книгах и даже в таких вещах как Символ веры, расхождения с греками, с Востоком.

Начинается то, что вошло в историю как книжная справа. Смотрят по греческим, украинским книжкам, где расхождение, в чем ошибки. Взят курс не просто на исправление ошибок. Поскольку нет образования, потеряна культура, желание есть, а культуры понять что главное, что второстепенное, нет. Взят путь царя Алексея и его «собинога друга» Никона, ставшего Патриархом, курс на копирование греческих образцов. Все греческое правильное, а все свое неправильное. Это было неверно по существу, потому что греческие, уже печатные книги, естественно, там тоже было полно опечаток, ошибок, всего хватало. Во-вторых, обращали внимание на мелочи, чепуху, которая никакого значения не имеет для глубинных принципов христианской религии. Эти мелочи выставляли вперед и все меняли, а общество, прошедшее Смуту, религиозно возродившееся, считало, что оно возродилось на старом русском православии, которое уберегли несмотря ни на что — Казанская икона Божией Матери, Преподобный Сергей, Нил Сорский, святые 15-го века, поэтому менять ничего не будем. Стоглавый собор — хороший и правильный. Царь нас тянет к непонятным изменениям, а нас то спасло истинное православие.

Ни те, кто хотел менять, ни те, кто не хотел, не понимали, что надо менять, а что не надо менять, что главное, а что второстепенное. К-польский патриарх Паисий писал патриарху Никону: не следует думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах несущественных, если только в главном и важном сохраняется согласие со вселенской церковью.

На Руси крестились двумя перстами, соединив три, говорили, что это две природы Христа, божественная и человеческая, и три Лица Святой Троицы — это три пальца. А греки крестились тремя пальцами, прижав два, говоря то же самое, только другим пальцам усваивая те же символические функции. И это стало главным объектом разделения! Или как ходить с Евангелием на солее вокруг аналоя. По солнцу или против — в сущности все равно — но решили, что надо по солнцу, пытаюсь по греческому чину все изменить. А другие: как так, всю жизнь ходили по-другому, неужели все изменим. Отцы делали, и мы будем делать. И масса других таких же второстепенных вещей.

В чем смысл этого разномыслия? В том, что христианская вера воспринималась не как сущность, которую вообще не понимали. Идею обожения мы вообще не встречаем в этих спорах. А воспринималась как набор магических форм. Если правильные магические формы — получится, если

неправильные — не получится. Вот и все. Поэтому за каждую букровку люди готовы были умереть. Но беда была в том, что низкая культура и тех, и других не позволяла никому встать над схваткой и сказать: ну ради Бога, привыкли вы ходить против солнца, ходите — это не важно. Речь пошла не об углублении духовного образования, раскрытии сути, а об изменении видимых форм, что всегда воспринимается крайне болезненно. Формы можно менять тогда, когда изменилась суть. Но когда суть неизменна, менять форму для большинства людей страшно болезненная вещь.

В русском обществе получилось следующее: истово, глубоко верующие люди, поскольку были низко образованы, были преданы форме до конца, до смерти. Люди равнодушные к вере и к форме равнодушны, они пошли за царем куда он сказал, потому что идти против царя — это идти на репрессии. Никон и царь были очень круты. И возникло в русской истории то, что называется раскол. Страшное явление русской истории, не один я, например, Солженицын так считал, во многом предопределившее Россию на будущие века, в т. ч. революцию 20 века, 17 года. Потому что почти вся наиболее религиозно сознательная и активная часть общества ушла в раскол и стала вне государства и стала считать царя и патриарха Антихристом — врагом Христа, врагом России, врагом церкви. Эти люди гнались, уничтожались, уходили в самые глухие места, чтобы их не преследовали. Из них силой требовали признания истины церкви, кто-то от страха соглашался и привыкал к двуличности в вере, кто-то отказывался и погибал. Лидеры этого движения, протопоп Аввакум, предпочли смерть измене принципам. Если мы почитаем протопопа Аввакума, увидим, что он хулит царя, говорит, что ты «немчин». Для него «немчин», прямо как для некоторых современных политиков, это хуже сатаны. Потому что у тебя другая вера, другие принципы. А Алексей Михайлович, пока еще ему отвечал, говорил, что я русич, но вера моя греческая. Не понимал, что вера не может быть русская, греческая или какая-то еще, она общечеловеческая вера христианская.

Соответственно с царем остались мало верующий, но лояльные люди. Врагами царя и, что важнее, государства стали сильно верующие, но малообразованные люди. Вот такая трагедия.

В этой ситуации Россия как нация выглядит достаточно привлекательно. Не из-за этого, это внутренние дела. На этом фоне возрождения после Смуты Россия имеет соборное управление, в 1649 году принимается на соборе Уложение, законодательный свод. Россия становится в некотором смысле правовым государством, в котором действуют законы. Она уже во многом похожа на европейские государства по типу организации власти. В это время возникает самостоятельное купечество, которое было совершенно разорено и погибло в 16 веке. Русское государство возрождается и становится привлекательно, и оно к тому же свободно. Впервые за 200 лет русские люди западной части древней Руси, украинцы и белорусы, начинают смотреть на Россию как на что-то привлекательное, потому что в 16 веке для русских Россия Ивана Грозного выглядела как некий монстр. Никто с ней объединяться не хотел, никто к ней не стремился. Как не было плохо православным людям в Польше, им было все равно намного лучше, чем русским людям под Иваном Грозным или в Смутное время. А вот теперь она выглядит привлекательно, и начинается мощное движение на Украине и в Белоруссии за воссоединение с Россией. Царь Алексей Михайлович этого не хочет, он, конечно, мечтает об этом вообще, но войны сейчас не хочет. Война для бедного русского государства крайне нежелательна. Но собор требует помочь единоверным украинцам и белорусам, и сами украинцы в 1648 году объявили, что они желают быть с русским царем. Начинается новая тяжелая война с Польшей. В 1654 году заключается мир, к России присоединяется Левобережная Украина и город Киев, но присоединяется как федеративная структура. Все права, это специально оговаривается, которые Малороссия имела у поляков — самоуправляющиеся города, вновь, во время этой гражданской войны на Украине, добившееся свободы от крепостного права крестьянство — все это сохраняется. И Алексей Михайлович на это идет, подписываются соответствующие хартии. В России возникает федеративный принцип, что очень важно.

Вместе с Украиной приходит образование — христианское, православное. Вы помните, на прошлой лекции говорил, как из западных источников формировалась православная культура западной Руси. Теперь все это приходит на Русь или через Украину, или даже непосредственно от греков. Приезжают из Греции братья Ликуды, создают первую в Москве Славяно-Греко-Латинскую академию в Москве в Иконоспасском монастыре в Китай-городе. Западное образование еще усугубляет ситуацию, потому что это другая культура. Это православие, но это другая культура, не культура стоглавого московского собора.

И вот в 1666-7 году царь Алексей Михайлович созывает большой московский собор, на который приезжают патриарх Антиохийский, Иерусалимский, много восточных епископов, на котором осуждаются деяния собора при митрополите Макарии и Иване Грозном, осуждает эти безумные идеи Москвы Третьего Рима, самопревозношение, автокефалию. Теперь никто не сомневается, что московский патриарх равночестный, но то, что было, это неправильно. Я вам прочту формулу этого собора: «а собор, иже бысть при благочестивом великом государе и царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всяя России самодержце, от Макария митрополита Московского, и что писаша о знамени честнаго креста, сиречь о сложении двою перстов и о сугубой аллилуе, и о прочем еже писано нерассудно простотою и невежеством в книзе стаглаве и клятву, юже без рассуждения неправедно положиши, мы православные патриархи и весь священный собор тую безрассудную и направедную клятву макариеву и того собора разрешаем и разрушаем, и тот собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем якоже и не бысть. Зане той Макарий митрополит, и еже с ним мудрствовавший невежеством безрассудно яко восхотеша сами с собою не согласяся с греческими и с древними хартейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святейшими патриархи, о том советоваша и ниже вопросившася с ними». То есть полное разрушение всех деяний Московского царства.

Для тех, кто не согласился с ними, оставался один путь — в раскол. Соответственно люди разделились на старообрядцев, тех, кто придерживался обряда на Руси до собора, до Никона, и новообрядцев, которых называют никоняне, у которых все новое. После этого было подорвано единство русского народа. Он был подорван драматически, потому что старообрядцев, которых было не 10 и не 20, а миллионы людей, для них русское государство стало врагом. Это, пожалуй, впервые так произошло. Даже при Иване Грозном, когда была совершенно страшная опричнина, все же это было неправильное, но их государство. А теперь это стало государство врага. Люди предпочитали самоожжения, их были тысячи, предполагается, что было около 20 тысяч людей, которые покончили самоубийством в эти десятилетия после раскола до пришествия Петра I. Надо сказать, что в это же время ухудшается и социальное положение людей. Вспыхивает восстание Степана Разина, это 1667–1671 год, огромное количество крестьян его поддерживает, потому что то, что ввел Алексей Михайлович в 1648 году — всеобщее тягло — когда все сословия царства от царя до крестьянина — должны выполнять определенные государственные функции. В стране нет денег, страна бедная. Это сейчас привыкли что мы богатая страна, тогда газ и нефть никому не были нужны. Страна, не имеющая плодородной почвы, огромные пространства, долгие зимы, сельское хозяйство малопродуктивно, да и ведется по старинке. Поэтому денег нет, натуральные отношения, и тягло как форма натуральных отношений. В общем, все общество это приняло. Крестьяне несут тягло своим трудом, они кормят тех, кого царь помещает на эти земли, своих чиновников или воинов, эти воины защищают страну, чиновники организуют страну, священники и монастыри молятся за страну и выполняют религиозные функции, царь выполняет свои функции — вот такая пирамида служений. Но постепенно, и очень быстро, это видно по документам, те кому передали право на часть труда крестьян, стали, как и при Иване Грозном, пытаться опять этих крестьян полностью взять себе в собственность, не часть труда, а полная собственность над людьми. И это вызвало огромный резонанс в восстании Степана Разина, Степан Разин, безусловно, был бандит и разбойник, но он бы остался бандитом, если бы к нему не

присоединились сотни тысяч людей, доведенных до отчаяния отсутствие перспективы жизни. Поэтому, когда **Алексей Михайлович** умирает, а последние годы его связаны с таким формально законным, но не очень симпатичным по тем временам делом, он **овдовел и женился на очень молодой женщине Нарышкиной**. Его первая жена Милославская умерла, он женился второй раз и соответственно **его сознание изменилось, его последние годы правления другие, это ясно видно. Страна заходит в тупик, из которого её пытаются вывести его дети.**

Первым после смерти Алексея Михайловича царем становится **царь Федор Алексеевич с 1676 года**. Он, по решению земского собора, отменяет одну из главных язв русской жизни — **местничество**. Принцип местничества заключался в том, что нельзя назначить молодого талантливого представителя какого-то рода на высокий пост, если его старый или менее талантливый родственник занимает низшие посты. Обязательно надо по старшинству ранжировать все должности в государстве — по старшинству возрастному и по старшинству — кто кого пересидит, кто ближе сидит к царю. Это естественно страшно мешало управлению. Не царь Федор, а земский собор решил с этим покончить, и царь это утвердил. **После царя Федора, его правление было довольно коротким, он умирает в 1682 году, регентом престола при двух малолетних царях Петре и Иоанне, детях Алексея от первого и второго брака, становится **царевна Софья**, их старшая сестра. При царевне Софье и ее фаворите **Василии Голицыне**, она не была замужем, женатый князь Голицын одновременно был и ее другом, при этом он было очень талантливый западно образованный, и он и она, царевна тоже была образованная. Начались очень серьезные реформы, которые были призваны по самым последним западным экономическим лекалам изменить жизнь России. **Самое главное, князь и царевна планировали полностью ликвидировать тягловую систему и ввести прямой налог, прямую подушную подать, которая бы позволила у крестьян брать деньги и содержать бюрократию военную и гражданскую. Второе, Софья и Василий твердо решили покончить с войнами в Европе и заключили с **Польшей вечный мир**. Соответственно страна может спокойно развиваться. Да были проблемы, хотелось получить еще какие-то исконно русские земли, но Бог с ними, важен мир и хорошая организация жизни. **Потом историк Татищев говорил, что никогда так хорошо не жили русские люди как в этот период регентства Софьи. Но это регентство заканчивается.******

В духовном плане ничего не меняется, потому что как раз будучи противником вмешательства государства в церковные дела, что никогда до добра не доводило нашу страну, **царевна Софья сказала, что все, что связано с вопросами веры, это церковь, патриарх, вы там и решайте. А это раскол, и церковь официально продолжала гнать раскольников**, потому что они были не только противники царя, Софье было это все равно, она считала, что экономическое изменение всех приведет в стан ее сторонников, но потому что они были противниками официальной церкви и хулили ее, называли антихристовой церковью. Здесь произошла удивительная либерализация гражданской жизни и еще большее ухудшение ситуации в отношении раскола, именно потому, что по западным либеральным лекалам Софья и князь Голицын не хотели вмешиваться в церковные дела.

Но в 1689 году происходит переворот, к власти приходит Петр, и после заточает Софью, Василия ссылает сначала в Каргополь, потом на Пинегу. Устанавливается режим нового типа. Петр тоже западно образованный человек. Вообще, считать, как говорил Пушкин, что Петр прорубил окно в Европу, это абсолютная ошибка. Это окно никогда полностью не закрывалось. Во-вторых, в 17 веке Алексей Михайлович и Софья имели это окно широко распахнутым, говорили на многих языках, читали на латыни, на польском, библиотеки многих боярских родов были большие и активно используемые. Речь идет не о прорубании, а об изменении отношения к Европе. Весь 17 век, особенно вторая его половина, это была попытка создать в России органическую, современную тогдашней Европе, страну, тогда страна постепенно станет богатая и медленно, не за одно поколение, вольется в круг европейских государств, потому что оно как христианское православное государство совершенно

естественно европейское, пусть и другое. Но тогда и Европа была разделена, были католики, были протестанты, в Польше было немало православных. Это был бы еще один элемент Европы.

У Петра была другая идея. Для него была идея не всеобщего мира, а идея великой империи, завоевания земель. Немедленно, сейчас, здесь. Притоком европейцев европеизировать. Не своих вырастить до уровня европейцев, а пригласить европейцев, чтобы они Россию меняли. Кроме того, бедная Россия могла дать мало средств для ведения больших войн, соответственно надо было выжать из людей все, чтобы создать военную промышленность, чтобы строить корабли и т. д. Для этого Петр не идет путем Софьи, не освобождает крестьян от тягла, но напротив делает тягло абсолютным. Частная собственность исчезает. Крестьяне больше не имеют своей собственности, даже и дворяне. Все принадлежит в стране царю, совершенно архаичная форма, классическая восточная деспотия. Царь дает дворянам крестьян, и они живут их трудами. Крестьяне не имеют никаких гражданских прав, соборы перестают собираться. При Петре ни разу не созывается собор, все заканчивает абсолютное управление страной. Петр явно показывает, что он презирает все нравственные законы. В отношении своих противников мнимых или истинных он ведет себя как Иван Грозный. Он убивает людей пачками, любит сам казнить, рубить головы. В Москве говорили: «Которого дня государь и князь Ромодановский крови изопьют, того дня и те часы они веселы, а которого дня не изопьют, и того дня им хлеб не естся». Это был очень жестокий правитель. Но, кроме того, он абсолютно игнорировал и русскую церковь. Он лишает ее обычного, сложившегося с эпохи Византии, буквально с 4 века, системы возглавления, что местная церковь возглавляется патриархом, при котором есть церковный совет. То есть церковь достаточно автономная от государства структура. Да, в Московском государстве много раз пытались эту автономию поколебать, но формально она всегда сохранялась. За эту автономию и за право церкви действовать свободно умер митрополит Филипп. Даже Никон, при всех минусах, действовал как автономная церковь. Церковную автономию уважала царевна Софья.

Теперь же она ликвидируется институционально. После смерти последнего патриарха Иоакима патриархи больше не выбираются. Царь предлагает другую систему. Совет, по гречески Синод, архиереев, который возглавляется царем, и представителем царя в совете является его обер-прокурор, светское лицо, которое наблюдает за делами церкви, говорит, что государству нужно от церкви и соответственно проводит политику нужную государству. И русская церковь, до этого обессиленная расколом, терроризированная страшными репрессиями, которые царь Петр проводил против всех сословий, вполне соглашается с этим.

Это естественно имеет еще одно печальное последствие. Кроме того, что значительная часть верующих ушла в раскол, теперь те, кто не ушли, но оказались рабами новой политической системы, в первую очередь крестьянство, но и уральские горнозаводские рабочие и т. д., они и в церкви перестали видеть своего независимого заступника. Теперь церковь стала элементом госслужбы, не более того. Соответственно доверие к церкви еще больше пошатнулось. В той степени, в которой мы располагаем данными, можно сказать, что первая половина 18 века ознаменована уходом большого числа новообрядцев в старообрядчество, потому что оно по крайней мере давало факт реальной веры и гонения. Значительная часть людей просто абсолютно охладела к вере. Уровень, скажем, среди крестьян, люди стали причащаться раз или два в год. А во многих местностях началось движение против причастия, потому что люди ощущали себя недостойными.

Обычаи христианские стали исчезать из жизни. Это также связано с упадком образования. Дело в том, что при Петре произошло еще одно важное и страшное разделение русского общества: на элиту и народ. До этого они имели одну культуру. Они имели разный уровень доходов, у них были свои социальные группы в общении, но это была одна культура, мужик и боярин могли говорить и понимать друг друга. Теперь же Петр насильно внешне вестернизирует дворянство, меняет все, вплоть до того что нельзя носить бороду и русский покров платья. Он продолжает быть таким никонианином, именно внешние вещи для него самые главные, то, что внешне отличает европейца от русского. Заставляет

людей пить алкоголь, курить, устраивает всешутейшие всепьянейшие соборы, на которых имитируется и крещение, и причастие, глумятся над таинствами. Это делает царь в своих ассамблеях, которые он собирает, а если ты на них не пойдешь, там надо пить курить, там достаточно свободные отношения полов, сам царь заточил в монастырь свою жену Евдокию, и менял женщин до тех пор, пока, наконец, не женился на безродной немецкой женщине, непонятно какого рода племени, и при этом даже не потрудился развестись со своей первой женой. Все это абсолютно деморализовало общество.

В этой ситуации тонкий слой нерелигиозного внешне вестернизированного и учащего уже по западным образцам дворянства резко отличился от традиционно русского, тоже одичавшего, но ни в малой степени не вестернизированного большинства России. Они даже перестали понимать друг друга, они постепенно перестали говорить на одном языке. Возникли две субкультуры, дворянская субкультура и народная, чужие друг другу. И церковь, по внешнему виду оставаясь старой русской церковью, священники так же носили бороды, им все это позволено, по сути поддерживала дворянскую субкультуру, которая была чужой, не их, не русской. Произошел страшный раскол, который усугубился тем, что в первой половине 18 века после смерти Петра власть практически до 41 года, до воцарения Елизаветы Петровны, дочери Петра, была у немецких временщиков. Власть в руках немецких временщиков, тоже безобразная и жестокая, еще больше отчуждала народ от власти. Фактически, немецкая партия управляла Россией до Елизаветы Петровны, и Елизавета пришла к власти путем заговора, финансировавшегося из Франции. Это была французская партия, те, кто привели ее к власти, лейб-компанцы, их деятельность была организована французским послом в России. Во многом Россия перестает быть даже независимой страной.

Сейчас у нас эксплуатируются природные богатства, нефть, газ, кто-то получает от этого много, кто-то ничего, но тогда, не это было ценностью. Ценностью были рабочие руки, потому что земли было изобилие, а рук не хватало, поэтому тогда контроль над руками был такой же как сейчас над нефтью. Поэтому в России было введено абсолютное рабство. Рабство доходило до того, что крестьянин не мог создать семью без разрешения помещика. Помещик определял, кого ему брать в невесты, он не имел собственности, вся собственность принадлежала помещику и государю. Он даже не подводился к присяге. Когда к власти приходил новый царь, присягали все сословия, кроме крестьян. За них присягал помещик, а они уже не были гражданами, это была крещеная собственность. Что в этой ситуации было печально в нашей с вами теме — Церковь ни разу не выступил против этого! Церковь, к сожалению, была одним из крупнейших владельцев имуществ, имела огромное количество крестьян, земли, но никогда не стремилась к тому, чтобы освободить человека и образовать его. Упал уровень образования, и нам не известно, были ли специальные указы, видимо, не было, но по молчаливому согласию крестьян не учили даже грамоте. Потому что крещеная собственность, образованная и грамотная, способна не подчиняться, поэтому их держали в полном скотстве, и Церковь на это соглашалась, хотя, как вы помните, слова Евангелия, Самого Христа, «шедше научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святаго Духа». Церковь изменила этому принципу образования людей ради познания истины. Не говоря о том, что даже для грамотных все менее и менее понятным становилось Священное Писание, оно было на церковно-славянском языке, который становился все более древним, язык уходил от ЦСЯ. У старообрядцев он сохранялся, у них и грамотность была на совершенно ином уровне, там учили, а здесь язык уходил, и даже кто умел читать, не могли читать Священное Писание. А те из дворян, кто были верующие, все чаще и чаще читали Писание на немецком, французском или польском языках.

В этой ситуации Церковь потенциально оставалась опасной для государства. Она была лишена возглавления, коррумпирована сотрудничеством с властью, но она имела огромное имущество. Это была корпорация, не модернизированная по-петровски, которая могла, особенно в условиях смуты после Петра, совершить вот эту «ваньку-встаньку». И поэтому после смерти Елизаветы Петровны в

1761 году, по ее указанию, на престол возводится ее племянник герцог Шлезвига под именем Петра III. Он практически тут же издает указ о национализации церковных имуществ в марте 1762 года. С этого времени имущества должны быть не в собственности церкви, а в собственности государства, которое платит монастырям и священникам определенную плату за их службы — т. е. они становятся чиновниками.

Царь Петр III очень недолго управлял Россией. Уже в середине 1762 года его свергает и убивает его жена немецкая принцесса, известная нам под именем Екатерины Великой. Руками своего любовника графа Орлова и его брата она убивает своего мужа и восходит на престол, вообще никаких прав на престол не имея. Собственно даже не предполагается, ее никто не назначал, она захватывает престол, она абсолютная узурпаторша. Всячески говорит, что ее муж был негодный правитель, возможно, оно так и было, но она две вещи принимает полностью: это идея секуляризации и национализации церковных имуществ, здесь она идет до конца под предлогом, что церковь эксплуатирует людей, что ей не позволено. И она утверждает знаменитый указ о вольности дворянства, который был принят Петром III в феврале 1762 года. Этот указ принципиально отказывается от идеи тягла. Это, конечно, не история церкви, а государства, но важно понять это. Дело в том, что теперь дворяне становятся лично свободными людьми. То, что они имеют — земли, дворцы и крестьян — становится их частной собственностью. Возникает не просто вестернизированный слой, а частновладельческий строй в государственном восточнеспотическом целом. Страна как бы распадается: все принадлежит государству, кроме дворян и их собственности. Все остальное государственное, а это дворянское.

Указ о вольности дворянства и последующие указы Екатерины юридически формально передают людей в частное рабство. Если раньше можно было обманывать людей, что мы все тянем тягло, то теперь кто-то тянет, а кто-то не тянет. Ему дали землю и людей, люди которые когда-то вместе с Мининым и Пожарским спасали Россию и воссоздавали государство, теперь эти люди становятся частновладельческими рабами дворян, и им запрещено даже жаловаться на своих господ, их дела не принимают в суды. Это люди третьего сорта, да и не люди вовсе, а просто рабочая сила. Причем Екатерина продолжает политику предшествующих императоров и активно раздаривает крестьян своим фаворитам. Фактически Россия из государства становится частным владением узурпаторши, которая делает с ней все, что ей угодно.

Что страшно в этой ситуации, церковь нашла в себе силы восстать против секуляризации. Митрополит Арсений Мациевич, который сейчас причислен к лику святых, выступил против этого и был Екатериной после многих наказаний заточен в Ревельский каземат и умер под чужим именем Андрея Вралья. Он боролся против секуляризации имуществ, но не за свободу людей, а за право церкви владеть крестьянами и землями. И тогда Екатерина решила создать, у нее были такие мысли, она была европейская женщина, при всех слабостях она была культурным человеком и какое-то время она не хотела управлять толпой рабов, ей хотелось вестернизировать Россию. Она собрала и созвала выборных от всех земель, почти собор, для того чтобы составить новое уложение, новые законы, ничего не получилось в итоге, все это ушло в песок. Но что интересно, были и дворяне, и горожане, мещане, и представители Синода — никто не высказался против крепостного права, один или два дворянина слабо говорили об этом из сотен. Но представители Синода просили только одного, дайте нам вновь владеть крепостными крестьянами!

Представляете, какое отношение к церкви после этого в русском обществе: ей перестали верить и низшие, и высшие, потому что люди из образованных сословий, те дворяне, которые имели веру, прекрасно понимали, что церковь это не вера, а какая-то каста со своими интересами, поэтому очень много активно верующих дворян уходят в масонство. Об этом долго можно говорить, что это такое, но в общем, это некий ответ огосударствлению церкви, когда люди считали, что можно строить храм правды своими силами, не опираясь на церковь. Многие начинают увлекаться различными формами мистики, западными, идущими с запада: распространяются произведения епископа Фенелона, Юнга-

Штиллинга и других представителей западной католической, но не клерикальной мысли. В таком состоянии русское общество застает 19 век, реальная глубокая вера исчезает. Мысль о том, что Русь православная, все верушие — это не так. Огромное число формально верующих, просто потому что государственная религия, огромное число равнодушных, многие тайно ушли в старообрядчество или в разные протестантские деноминации, но тайно, по статистике они все православные, очень многие увлекаются масонством. Авторитет церкви падает очень низко. При этом очень низкое образование, среди крестьян может читать 0.7 %, и это в основном старообрядцы.

Павел, когда умирает Екатерина, вступает, наконец, на престол, восстанавливается династия Романовых, очень многие дела матушки он ликвидирует, и в том числе дает наконец-то некоторую свободу церкви. Он позволяет церкви самой выбирать обер-прокурора, неслыханное до этого. Но этот период очень быстро проходит, вообще, Павел очень странный был человек, во многих отношениях искренний, глубоко верующий, безусловно связанный с масонством, но видимо вся его тяжелая жизнь, он ждал, что в любой момент его убьют, потому что Екатерина убила своего мужа и другого претендента на престол Ивана Антоновича, тоже по одной из линий Романовых человека, который мог претендовать на престол. И соответственно он ждал, что его убьют и жил под Дамокловым мечом. Он продолжал политику раздариwania крестьян своим фаворитам, но пытался ограничить хотя бы, ввел закон о трехдневной барщине, т. е. нельзя было больше трех дней использовать труд крестьян для помещика. Никто этого не соблюдал, уж как царя не боялись, но этот закон никто не соблюдал.

В итоге, и он был убит 11 марта 1801 года, и вступает на престол его сын Александр I, который, будучи очень образованным молодым человеком, отчасти виновным в убийстве своего отца, хотя и не хотел этого. Он уже имел определенный план действий, Александр I мечтал освободить русское общество. Уже на своей коронационной медали он повелел выбить слово Закон. Закон должен быть во всем. Он вновь разрешает всем сословиям иметь пахотную землю, до этого могли иметь только дворяне. Он принимает закон о свободных хлебопашцам по договору, а до этого нельзя было. Во-первых, если бы выкупились, земли бы не было. Теперь могут выкупиться по соглашению с помещиком. Но всего несколько очень богатых помещиков позволили части своих крестьян в угоду императору выкупиться на свободу. Это был дозволяющий, а не повелевающий закон, и им очень мало кто воспользовался.

Очень серьезные изменения прошли в церковной политике. Обер-прокурором Синода он назначает своего друга князя Александра Николаевича Голицына, или как его называли «маленький Голицын», потому что он был невысокого роста. Он был известен, вообще, с обер-прокурорами была большая беда, в 18 веке их в основном назначали из людей абсолютно нецерковных, часто даже богоборцев при Екатерине. Александр Николаевич Голицын был такой же человек, он был образован, светский князь, ужасный развратник, и все это прекрасно знали. Но тут произошло чудо, когда его назначили обер-прокурором, он ужаснулся и сказал, что всё, начинаю новую жизнь. И начал новую жизнь, стал благочестивым, глубоким человеком, начал политику с самого начала просвещения общества. Он был и министром образования, и министром исповедания, обер-прокурором, и он взял принцип — сначала просветить общество. Для этого надо, во-первых, создать систему образования. Та система образования, которая существовала на Руси до революции и в каких-то формах существует даже до сего дня, система университетских округов, гимназии, реальные училища и т. д. — все это было создано Голицыным. Он же выступил инициатором перевода Священного Писания и издания книг на современном ему русском языке. Своих сил было очень мало. Князь Голицын был человек широких взглядов, и он предложил привлечь к этой работе Британское библейское общество, что, конечно, для большинства людей, архиереев русской церкви, было неслыханной вещью, люди этого испугались. Но кто его очень поддержал, это будущий митрополит Филарет Московский, тогда молодой епископ, ректор Санкт-Петербургской духовной академии. Поддержал и царь. А с Александром I произошла своя метаморфоза. Он такой же был как Голицын веселый человек, но в 1812 году он удивительным образом обращается к вере, там тоже происходит чудо, об этом можно

целую поэму написать, и, кстати, с помощью Голицына, который его поддержал, он обращается к вере очень горячо и становится активнейшим проводником этой идеи просвещения общества. При нем переводится на русский язык четвероевангелие, весь Новый Завет, потом епископ Филарет пишет катехизис, уже на русском понятном языке, все это печатается и распространяется в огромном количестве экземпляров. Британское библейское общество, российским отделением которого он председатель, переводит Священное Писание на языки многих народов России и даже на польский, а это вызвало недовольство Ватикана, ведь тогда еще латинский текст считался основным, но он полякам как своим гражданам дал свой текст.

Одновременно в политической сфере он вводит военные поселения, у нас это совершенно оболганная форма, все считают, что это очень плохо, а на самом деле это великое дело. Ведь до Павла людей в солдаты брали в 21 год пожизненно, соответственно, если имел семью, то уже никакой семьи, детей, это навсегда ты разорван со своей семьей. Понятно, что жена будет иметь любовников, прожиток детей, даже законы специально говорили, как с ними обходиться, потому что это считалось само собой разумеющимся, что солдатки гулящие женщины. А куда деваться для большинства, стать соломенной вдовой в 21 год. Соответственно и молодые мужчины, ставшие в 21 год солдатами, тоже не отличались благочестием, и главное, они ничего не делали, кроме того, что служили, терялись рабочие руки. Создаются поселения из государственных крестьян, он не смог освободить частновладельческих крестьян, никто не захотел их освобождать, но он позволил крестьянам жить в поселениях с семьями, женами, детьми, заниматься сельскохозяйственным трудом и при том заниматься военным делом, обучаться военному искусству, иметь дома оружие. Это ведь тоже очень важно, крестьянин становится гражданином, у него дома ружье, шашка, в деревне на складе стоят пушки. Это уже не раб, не говорящее орудие, а гражданин, который может за себя постоять, это очень большое дело. Тем более он всячески пытался вестернизировать этих крестьян, выписывались новые породы скота, строились каменные дома. Сам Александр объезжал эти поселения, и там, где он в доме видел порядок, благополучие, он всегда хозяину семьи давал деньги, а хозяйке дарил красивый сарафан. Такие милые вещи, которые помогали немного.

Начинается это возрождение общества, но все это тоже быстро заканчивается. Уже в последний год Александра под влиянием целого ряда причин. Политика епископа Филарета, библейского общества вызвала все большее сопротивление церкви, потому что большинство церковных иерархов боялись, что это приведет к потере ими власти. Сознательные образованные христиане, их народ, не захотят их слушать, им было легче так. Поэтому оппозицию Александру I возглавил митрополит Санкт-Петербургский Серафим Глаголевский, который в 1824 году явился к Императору. Тот был убит горем, только что умерла его любимая внебрачная дочь, она умерла за два дня до венчания. В это время приходит митрополит, снимает клобук, говорит, или ты распускаешь библейское общество, или я ухожу из митрополитов. Подавленный морально император, который не хотел вмешиваться в дела церкви, принимает решение распустить библейское общество, по крайней мере приостановить его деятельность. Но этим все не заканчивается. Митрополит и стоящие за ним люди требуют сожжения книг на русском языке. То что разошлось уже, конечно, пойдешь собери, но это тоже пытались сделать уже при Николае I. Но тогда было только что отпечатанное Пятикнижие Моисеево, они были переведены на русский язык таким крупнейшим специалистом в области Ветхого Завета протоиереем Павским, и еще не были распространены, а только складированы. Они сжигаются на кирпичных заводах Лавры, весь тираж Пятикнижия.

Николай I продолжает эту тенденцию. Ставший обер-прокурором граф Протасов — активнейший сторонник держания народа в невежестве. Это говорится абсолютно откровенно: «приводить низшие классы некоторым образом в движение и поддерживать оные как бы в состоянии напряжения не только бесполезно, но и вредно». — писал он. Поэтому даже те, кто умеют читать, могут читать только литературу по сельскому хозяйству, а ни в коем случае не историческую или духовную.

Мы все помним Великие Реформы, освобождение крестьян, введение земского и городского самоуправления, но не менее великая реформа Александра II, которая произошла сразу же после того, как умирает Николай Павлович, было возобновление перевода Священного Писания, и тот перевод, которым большинство пользуется на русском языке, так называемый Синодальный, это перевод, который был возобновлен после 1855 года и вышел в 1864 году. Это новый великий момент, люди смогли читать.

Надо сказать, что одновременно происходит еще один очень важный, менее заметный, менее государственный, но очень важный феномен духовной жизни России. Дело в том, что раскол и мрачный 18 век — действительно оскудели источники веры и православия. Вера ведь это не только знание, чтение, книги, но и какой-то внутренний опыт, он тоже стал исчезать, но в это время начинается религиозное возрождение в еще занятой, оккупированной турками Греции. В это время **Никодим Святогорец** и **Макарий Коринфский**, живший на покое, создают кружок людей, которые выступают за перевод на новогреческий творений святых отцов и за частое причастие. Жизнь человека и церкви должна быть постоянно связана со Христом. Он должен читать Священное Писание, но главное соединиться со Христом в Таинстве Евхаристии, до этого в Греции это тоже все умерло. И опыт этой умной молитвы, вспомните преподобного Сергия и исихазм, вот эти люди были сознательными восстановителями исихастской традиции Симеона Нового Богослова и Григория Паламы. Учеником этих замечательных людей становится бессарабский молдавский подвижник **Паисий Величковский**. Он имеет монастырь, сам по себе он скорее всего румын, может быть южный славянин, но он тоже в Турецкой империи, это просто передавалось. А через Паисия Величковского, через Румынию эта традиция передается в Россию, и она воспринимается **Оптиной Пустынью**, замечательный монастырь в Калужской губернии, который сейчас возрожден. Оптина Пустынь становится продолжателем традиции Никодима Святогорца и Макария Коринфского во всех отношениях, возникает традиция старчества. Люди тысячами идут в Оптину Пустынь, чтобы получить там советы о духовной жизни. Таким же продолжателем традиции, идущей от Паисия и греков, является и **Серафим Саровский**. Это та же традиция и то же время. О чем говорит преподобный Серафим: цель жизни христианина стяжания Святого Духа. То есть это как раз то, о чем говорили исихасты, стяжать Бога, принять Бога в себя. Эта традиция тоже усиливается на Руси. Она сливается с увлечением своей древностью, начинается увлечение романтизмом, среди образованных людей начинается увлечение своей древностью, церковью, своим христианством, начинается такое духовное возрождение — оно касается всех слоев, но оно крайне узкое. Только духовно глубоко одаренные люди могут почувствовать потребность в этом.

Сейчас мы думаем, О, преподобный Серафим, О, оптинские старцы — все их знают. Сейчас все их знают, а тогда было не так, это был узкая речка, но она текла постоянно, но одновременно из Европы приходит и другое. Приходят и левые, социалистические идеи, и идеи безверия, особенно модные в наполеоновской Франции. И эти идеи тоже овладевают обществом, и происходит ужасная вещь. Если для Европы все эти интеллигентские вещи были результатом глубокого поиска, даже отказ от Бога был итогом серьезного богословского дискурса, то русская вестернизированная интеллигенция воспринимает только вершки всего этого так же, как когда-то новообрядцы принимали элементы обряда, не беря глубоко. Именно формы покоряют огромное количество людей. Русское общество вновь раскалывается на тех, кто с традиционной властью и с церковью, которую не поддерживает народ, потому что это узкий ручеек со святой горы, и ту часть образованного общества, которая против власти, против церкви, но на очень узкой, тоже сектантской платформе — это сообщество будет называться русской интеллигенцией.

И вот это вновь расколотое русское общество входит в 20 век несоединенным, а так же разделенным, а что произойдет в 20-м веке, я вам расскажу на следующей лекции.

Русская церковь в XX веке

Дорогие друзья, сегодня наша лекция посвящена истории церкви в России в 20 веке. 20 век совершенно особое явление русской жизни вообще. Я думаю, это самый трагический век в нашей истории, в то же время век, когда Россия из состояния подросткового неосознания себя прошла через страшный опыт взрослости, тот страшный опыт, из которого можно не выйти вообще, к сожалению, который иногда приводит молодые организмы к гибели, но иногда приводит к переосмыслению всего и к началу другой, сознательной ответственной жизни.

Вот собственно сейчас, в начале 21 века мы стоим перед этим выбором. Как говорил в свое время Пастернак, «полной гибели всерьез» или же новой взрослой, сознательной жизни, основывающейся на всем нашем предшествующем опыте. Конечно, опыт русской церкви — это один из главных опытов 20 века, один из главных опытов, который мы должны понять. В чем же суть. Дело в том, что в 20 век русская церковь вступает, казалось бы, исключительно влиятельной и могущественной. Крупнейшей и сильнейшей православной церковью мира и одной из крупнейших христианских церквей. В начале 20 века около 90 млн. людей России были записаны православными христианами. В России было более 50 тысяч церквей, около 20 тысяч часовен, каждый год строилось по 500 храмов. Одного белого духовенства было 105 тысяч человек, т. е. дьяконов, священников и людей причта церковного. Сотни монастырей, тысячи монашествующих. Казалось бы, полное процветание, а при этом все серьезные современники видели глубочайший упадок. Митрополит Евлогий, будущий создатель русского православного экзархата Константинопольского патриархата в Европе, тогда еще епископ, вспоминал, что в начале 20 века духовные семинарии не давали достаточного числа кандидатов в священники, во многих епархиях наблюдался их недостаток, многие семинаристы, особенно в Сибири, не хотели принимать сана. Благовещенская семинария за 10 лет не выпустила ни одного священника, религиозный энтузиазм в семинариях потух, молодежь устремлялась на гражданскую службу, на прииски в промышленные предприятия. Другой выдающийся деятель Русской церкви митрополит Вениамин Федченков вспоминал: «влияние церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал, вера становилась лишь долгом и традицией, молитва — холодным обрядом по привычке, огня не было в нас и в окружающих, как-то все в нас опреснилось и, по выражению Спасителя, соль в нас опреснилась, мы перестали быть солью земли и светом мира. Нисколько не удивляло меня ни тогда, ни теперь, что мы никого не увлекали за собой. Как мы могли зажигать души, когда не горели сами. И приходится еще дивиться, что верующие держались в храмах и с нами, хотя вокруг уже все стыло и деревенело. А интеллигентных людей мы не могли уже не только увлечь, но и удержать в храмах, в вере, в духовном интересе».

Таких свидетельств десятки, с другой стороны в простом народе доминировало иное. Сам обер-прокурор Синода Константин Победоносцев, человек крайне консервативных взглядов, но при этом умный и образованный, констатировал: «русское духовенство мало и редко учит, лишь служит в церкви и исполняет требы, для людей неграмотных Библия не существует, остается лишь служба церковная и несколько молитв, который передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между человеком и церковью. В некоторых местностях народ вообще ничего не понимает в словах церковной службы, и даже в Отче наш делают такие ошибки и пропуски, что у молитвы исчезает всякий смысл».

Наблюдательный иностранец, французский посол в России Морис Палеолог в эти же дни отмечал: «абсолютное большинство русских остаются примитивными людьми, едва перешагнувшими ступень природного инстинкта, они по-прежнему рабы собственных импульсов. Христианство только

частично овладело их душами, оно ни в коем случае не тронуло рассудка и в меньшей степени вызывает к их сознанию, чем к их воображению и чувствам».

Это была констатация внешнего рассвета при глубочайшем внутреннем упадке. Причину этого упадка вы уже во многом поняли исходя из того, о чем мы говорили на предшествующих лекциях. Именно в начале 20 века пришло время пожирать плоды неправильного и государственного, и духовного управления Россией. Почему же именно в начале 20 века? Потому что после того, как Россия вынужденно пошла на великие реформы Александра II, стали освобождаться силы народа, народ перестал быть рабом. Появился широкий круг людей, которые начали обучаться грамоте, получали некоторую культуру. Но одно дело грамотность и некоторая культура, другое дело духовная грамотность и образованность. Слово образованность происходит от слова образовать, создать. Как я уже говорил, вспоминая слова Карамзина, веками направленного ответственного строительства созидают общество как здоровый организм. Здесь же общество разрушалось, поэтому, когда внешние силы освободились, а внутреннего результата созидания не было, начался процесс быстрой деградации.

До великих реформ образованный класс несправедливо, но держал в своих руках и контролировал все общество, сам пользуясь тем, что общество — это общество необразованных рабов. Теперь он потерял власть над обществом. А внутреннего ответственного авторитета в людях не было, из-за этого происходят эти страшные процессы. Причем происходят не только в народе, они происходят и в высших слоях общества. Удивительно, что когда вспыхнула первая русская революция в 1905 году, тогда одним из моментов была удивительная ненависть народа к религиозным святыням, церковным святыням. Вспоминаю письма Столыпина его жене, в которых он пишет, будучи Саратовским губернатором, что повсюду доносят, что мужики не просто сжигают помещичьи усадьбы, но и оскверняют самым гнусным образом церкви, отвратительным образом, о чем даже не хочется говорить. Огромная ненависть к церкви в простом народе.

В это же время отдельные люди и отдельные точки России привлекали внимание людей именно высокой духовностью. Мир русской церкви был различен. При общей деградации отдельные точки подъема и развития. Таковыми точками развития были некоторые монастыри, например, знаменитая Оптина Пустынь, о ней мы уже говорили на прошлой лекции, продолжала свое служение духовного строительства русского человека и в начале 20 века и вплоть до закрытия большевиками после революции. Удивительной точкой притяжения стал Кронштадтский собор, где служил знаменитый священник Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Этот человек привлекал к себе многие десятки и сотни тысяч верующих людей, и не только православных и не только христиан, своей искренностью, подлинностью веры. Его принципом в этой деревенешке и остывавшей духовной атмосфере были слова, что в Церкви и в вере надо истинствовать. Надо быть настоящим в вере, нельзя играть в веру. В то же время воспоминания такого известного церковного человека С.Фуделя «У церковных стен». Его отец был священник, он был из немцев, перешел из лютеранства в православие по глубокой вере, стал священником и был отправлен для проповеди в северо-западный край, нынешнюю Белоруссию, и был поражен тому, что никто из священников не соблюдал никаких норм: ни постов, ни молитвы. Часто даже не соблюдались и нормы семейной жизни. Это было настолько обычно, что на него, человека с таким неопитским жаром и немецкой аккуратностью старавшегося все соблюдать, что должен соблюдать православный священник, на него смотрели буквально с враждой, что он перед всеми выказывается.

Что могло произойти в таком обществе? В таком обществе происходила одна из явных вещей, которые происходят в таких случаях. Там где ослабевает вера, там распространяются всяческие с одной стороны еретические учения, это еще полбеды, а с другой стороны, просто явное колдовство и магия. Это колдовство и магия распространяются повсюду, затрагивая даже высшие слои общества, европейски образованные, культурные, затрагивают даже царский дом.

Всем вам известно имя Григория Распутина, в общем-то, колдуна, появившегося при царском дворе, приведенного туда духовником царя епископом Феофаном, который потом страшно переживал и раскаивался в этом. Не буду подробно рассказывать об этом. Вот мнение замечательного мыслителя русского зарубежья протоиерея Георгия Флоровского, одного из самых сильных церковных мыслителей и ученых 20 века: о начале 20-го века «это было время массового гипнотического отравления, отсюда всё нарастающее беспокойство, тревога сердца, темные предчувствия, много суеверия и изуверства, прелести и даже прямой обман. Темный образ Распутина остается самым характерным символом и симптомом этой зловещей духовной смуты». А протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский, главный священник русского воинства, в своих воспоминаниях писал: «развилась у нас крайняя и даже болезненная форма православия, типичными особенностями которой была ненасытная жажда знамений, пророчеств, чудес, отыскивание юродивых, чудотворцев, святых как носителей сверхъестественной силы». Косноязычный Метий Козельский, Василий Босоножка, скандально известный иеромонах Илиадор Труфанов — все они в это время проявили себя в полной мере.

До того как Распутин приблизился к трону, у его подножия успел побывать другой друг царей, французский авантюрист Филипп Антельм Ницье, получивший печальную известность в качестве леонского магнетизера. Раз или два в неделю, пишет Морис Палеолог, который как французский посол обязан был следить за действиями своих сограждан в России, он проводил в присутствии Царя и Царицы сеансы гипноза, занимался пророчествами, опытами воплощений и черной магией. Призрак отца, Александра III, им вызываемый, передавал Царю множество решений. Другом знахаря Филиппа был маг Папюс, настоящая фамилия Данкос. В октябре 1905 года Папюс был вызван в Россию и совершал спиритические сеансы для царской семьи в Царском селе.

А в питерском простонародье всюю действовал такой аналог Распутина для простых людей — некий Щетинин, который был столь же развратен, столь же пьяница и так же точно создавал секту истинных христиан. В итоге кончилось тем, что его арестовали, сослали в Сибирь за обманы и требования денег. В Сибири он исчез в 1916 году, и мы не знаем, что с ним произошло дальше.

В такой ситуации, разумеется, вера людей была формальной. К.П.Победоносцев говорил о том, что для русских людей всё форма, форма для них главное. Это была его глубочайшая ошибка. Потому что в вере главное, конечно, не форма, а содержание, главное богообщение, ощущение, то, о чем говорил отец Иоанн Кронштадтский, старцы Оптиной пустыни. Этому же учил и замечательный русский подвижник, который известен нам, как епископ Феофан Затворник Вышинский. Епископ Феофан, образованнейший человек, он перевел на русский язык Добротолюбие. По всей видимости, под его редакцией была создана книга «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему», в которой рассказывалось об Иисусовой молитве, частом причастии и богообщении. Все эти книги, деятельность этих людей имели большое влияние на Россию. Большое, но не всеобщее. Это затрагивало десятки тысяч людей, но незатронутыми оставались миллионы. И это сыграло свою роль.

В начале 20 века началось очень неуверенное движение части интеллигенции к православной церкви. Причем это было сложное движение, движение к Православной церкви как к вере, но не как к институции. Институции не верили и понятно почему: она была абсолютно частью государственной системы. Абсолютное монархическое государство вызывало отторжение русских образованных людей, которые не хотели, чтобы ими управляли как детьми, которые считали, что сами могут участвовать в устройении своей, в том числе политической жизни. Вот это движение русской интеллигенции к вере особенно ясно проявилось в сборнике «Вехи», который вышел в 1909 году, авторами которого были такие в будущем выдающиеся религиозные мыслители, а в то время люди только что отошедшие от социал-демократии, как С.Н. Булгаков, профессор математик, будущий знаменитый протоиерей Сергей, Николай Бердяев, замечательный и наиболее известный русский философ 20 века. Они отмечали, что отбрасывая государственную церковь, её государственный

аспект, интеллигенция отбрасывает церковь как таковую, отбрасывает Самого Христа, и в этом ее ошибка. Но очень трудно было избавиться от искушения, ведь до 1901 года русские епископы при рукоположении приносили клятву на верность Императору как высшему земному судии. Только в 1901 году 23 февраля эта формула эта клятва, совершенно ничего общего не имеющая с уставами церкви, была отменена.

Следует отметить очень значимые вехи церковной предреволюционной жизни. 17 апреля 1905 года в России государь подписал указ об укреплении начал веротерпимости, фактически дав свободу всем неправославным церквям. До этого был запрещен переход из православия в другие конфессии, и при браке православного и неправославного дети должны были воспитываться в православии. Теперь людям давалась свобода, в т. ч. и в строительстве храмов. Тогда во многих городах начинается строительство католических соборов, мусульманские мечети. Сейчас многие возмущаются, как там в каком-то городе построена мечеть, но посмотрите, в Петербурге на самом видном месте, на Петроградской стороне, видно со стрелок Васильевского острова, стоит великолепная мечеть, которая являлась главной мечетью России. Построена как раз после этого указа. Тогда же в Петербурге в Новой деревне строится буддистский храм, потому что Император становится покровителем всех религий, оставаясь покровителем православной церкви. 17 апреля 1906 года, в годовщину первого указа, принимается указ о свободе деятельности старообрядцев. Только теперь снимаются окончательно со старообрядцев государственные прещения, не церковные, и старообрядцы могут распечатать алтари своих храмов и совершать полноценные богослужение, в т. ч. совершать таинства.

В это время, надо сказать, многие люди глубоко переживают неправильность организации самой церковной жизни в России. Ведь не забудем, что начиная с Петра I, в России нет патриарха, нет возглавления церкви. Формально церковь возглавляет синод архиереев, но фактически церковь возглавляет сам Император и поставленный им обер-прокурор, государственный чиновник. И видя те беды, которые происходят в церкви, многие священники и большинство епископов (к чести тогдашнего духовенства) искали возможность восстановить правильное управление церковью. Их поддерживает в этом тогдашний премьер-министр России С.Ю.Витте, и 22 марта 1905 года он предлагает Государю созвать новый собор, и Государь соглашается с тем, что такой собор, русский поместный собор должен быть собран, и даже говорит, что его нужно созвать в кратчайшие сроки. Но он так и не был созван при Российской Империи. Постоянно эти сроки откладывались, потом вообще всё было забыто. Но памятником этому времени осталось удивительное собрание материалов, недавно вновь опубликованное. Дело в том, что как раз тогда Победоносцев подает в отставку, а заступивший на его место обер-прокурор рассылает опросный лист всем архиереям, что надо вынести на собор, какие вопросы обсудить. И вот, некоторые архиереи отделываются отписками, но большинство пишут целые трактаты о том, что нужно сделать. И вот это собрание мнений епархиальных архиереев о необходимых реформах в церкви — это огромных два тома, интереснейший источник о том, что у нас на самом деле происходит в церкви. Видели очень трезво то, что плохо, что в церкви в основном всё очень неважно. И необходимо освободить внутренние силы людей, необходимо воспитание, внутренняя свобода, некоторые институциональные изменения. Об этом говорится в этих отчетах, отзывах. Созывается предсоборное присутствие, которое должно подготовить к будущему собору все необходимые материалы. Предсоборное присутствие работало в течение 1906-7 гг., действительно, очень много сделало. И потом эти материалы очень помогли при работе Московского Поместного собора РПЦ, который был созван уже при Временном Правительстве в 1917 году.

Еще одним очень важным моментом, я бы сказал, амбивалентным, хотя обычно это воспринимается только положительно, в духовной жизни предреволюционной России было широкое распространение старчества. Старчество — это древний феномен православной церкви, даже на многих европейских языках нет адекватного аналогичного термина, поэтому, как правило, во французских и английских книгах просто латиницей пишется слово staretz. Что же такое старец — это

человек, в котором угасли желания, связанные с этим миром — у старых людей они обычно угасают, если они не сумасшедшие — и который имеет поэтому просветленный духовный взгляд и может давать советы и рекомендации людям, как строить свою жизнь. Желание найти таких старцев было в России колоссальным. Именно в таких людях, как Иоанн Кронштадтский или монахи Оптиной пустыни, видели старцев, к ним шли бесконечное число людей. Многие даже того же Иоанна Кронштадтского даже обожествляли, появилась церковь так называемых иоаннитов, которые считали, что И.К. это новое воплощение Иисуса Христа. Сам о. Иоанн и многие другие пытались бороться с этой болезнью. Что же негативного в явлении старчества, при всей его положительности, казалось бы. Негативное в нем то, что люди боятся своей ответственности, своей воли. Нет навыка волевого ответственного принятия решений сообразуясь с собственным пониманием добра и зла, которое в человеке как в образе и подобии Божиим вложено изначально. Конечно, обратиться к духовно опытному человеку и посоветоваться — это прекрасно. Для монаха полное отсечение своей воли в некотором роде необходимо, но когда все общество боится своей воли, наступает страшная ситуация безволия тех людей, которые верят при колоссальной энергии и воле тех, кто не верит. И это естественно тоже имеет разрушительное значение.

Удивительно, что русская церковь, которая вот так была спаяна с государством, восприняла февральскую революцию очень спокойно, без каких-либо потрясений. И уже 6 марта 1917 года, через три дня после отречения Государя, объявила о том, что наступили новые времена и необходимо приносить присягу уже Временному Правительству — было сказано в решении Синода от 6 марта: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни». Надо молиться об утишении страстей с возглашением многолетия богохранимой Державе российской и благоверному Временному Правительству ея. Разумеется, формула многолетия Временному правительству — это комичный элемент обращения. Но на самом деле обращение не комичное, а трагичное. Понимаете, никакой попытки объяснения того, что произошло, нет.

В 1917 Правительство принимает очень спорное решение, закон о свободе совести и фактически тем самым ставит государство внеконфессиональным. До этого, напоминая, Россия была православной империей, теперь она является государством вне конфессий, светским государством. Далеко не всем это понравилось. После принятия этого закона прекращает свое действие обер-прокурор святейшего синода и на его место назначается министр по делам исповеданий. Им назначен последний обер-прокурор Синода, уже Временного правительства, весьма интересный, глубокий и широко мыслящий профессор Антон Карташев, будущий автор знаменитой истории Русской церкви.

Пожалуй, самым важным событием религиозной жизни России эпохи Временного Правительства является подготовка и созыв Поместного собора. Решение о долгожданном созыве собора принимает Синод русской церкви в мае 1917 года. Тут же начинается интенсивная подготовка к выборам на собор. Дело в том, что Собор решили провести на абсолютно демократической основе, чтобы все общины церкви, как приходские, так и монастырские, все выбирали своих представителей на собор по определенным, четко установленным правилам. Эта процедура была проведена в исключительно короткий срок. Выборы на собор прошли в июне-июле 1917 года по всей Российской Империи. Все архиереи, епископы находились на соборе по должности, а все остальные избирались: от монашествующих по своей квоте, от мирян — по своей квоте, от белого духовенства — по своей квоте.

Первичной ячейкой выборов была церковная община, если это были не монастыри, которая выдвигала наиболее достойных своих представителей из священства, причта (люди не в сане, но работающие в церкви — псаломщики, алтарники) и из мирян. Троих выдвигал каждый приход. Потом собиралось благочиние, это все выбранные в рамках уезда, и выдвигали своих представителей на губернское собрание по тому же принципу. А губернские собрания уже выбирали представителей на соборе. То есть для мирян это было четырехступенчатые выборы, для белого духовенства трех,

монастыри тоже в несколько ступеней выбирали своих представителей. В итоге на соборе собралось 564 депутата, из которых больше половины, 299, были миряне. Собор преступил к работе в день Успения Божией Матери, по старому стилю это 15 августа 1917 года. На соборе было образовано много комиссий, обсуждалось много вопросов. Одним из важнейших был вопрос о восстановлении патриаршества, другие — о литургическом языке в церкви, об отношениях государства и церкви в России, о роли женщины в церкви, о системе образования церковного и религиозного компонента светского, многое другое.

5 ноября 1917 года совершились выборы патриарха Московского. В течение всего 18 и 19 века в России не было патриарха, и вот через 200 лет патриаршество было восстановлено. Патриарха выбирали в несколько этапов. Сначала были выдвинуты кандидатуры 25 человек, даже один мирянин, бывший обер-прокурор Самарин, предполагалось, что если он будет выбран, то примет монашества — так в Византии бывало. После выборов оставили трех первых кандидатов, это были митрополит Антоний Храповицкий, митрополит Арсений Стадницкий и митрополит Тихон Беллавин. Больше всего голосов собора получил митрополит Антоний Храповицкий, но члены собора не решились избрать патриарха своей волей. Они понимали, что это великое дело и дело Божье. Тем более не забудем, что такое 5 ноября 1917 года. В Москве шли бои, революция, октябрьский переворот в Петрограде, а в Москве офицеры и студенты, юнкера решили воспротивиться большевистскому перевороту и подняли антибольшевистское восстание. Ясно было, что будущая власть во многом станет не просто церковной, но в каком-то смысле общенациональной, особенно если победит боготорческая власть. Поэтому избирание патриарха имело огромное значение, и соборяне испугались его доверить себе. Это очень хороший знак — благоговение перед Богом. Поэтому решили, что три первых кандидата, их имена будут положены на Престол Успенского Собора, но так получилось, что в Кремле нельзя было проводить заседания, заседания и избрание происходило в Храме Христа Спасителя. Кремль в это время как раз был разорен во время восстания, его обстреливала большевистская артиллерия.

Были положены три жребия на Престол, и слепой монах Зосимовой пустыни под Москвой, всеми уважаемый старец послед долгой молитвы взял наугад один из жребиев и протянул его служащим с ним архиереям. На жребии было написано имя Тихона Беллавина. Митрополит Тихон, бывший третьим среди избранных людьми, оказался первым среди избранных Богом. И сейчас фактом его канонизации в РПЦ подтверждена незыблемость этого божественного избрания. Митрополит Тихон оказался не просто первым патриархом, но святым патриархом.

Он вступает в свою должность, происходит интронизация уже в то время, когда большевики властвуют над Москвой, в конце ноября 1917 года. А большевики, захватив власть, ни на минуту не скрывали, что их задача — уничтожение церкви.

Акт следует за актом. 11 декабря запрещено церковное образование и отняты все церковные учебные заведения. Это не мелочь, дело в том, что всегда борьба с каким-то общенациональным явлением начинается с уничтожения его образованного, как сейчас называют креативного слоя. Этот слой должен быть уничтожен, тогда со всем остальным справиться легко. Когда немцы захватывают Польшу, они первым делом арестуют профессуру Краковского университета и других университетов страны, потому что это духовное и интеллектуальное возглавление страны. То же самое большевики делают потом со всей русской интеллигенцией, но начинают с церковной.

17-18 декабря запрещается регистрация церковного брака, только светский гражданский брак разрешен.

16 января 1918 года отменяется военное духовенство.

20 января 1918 года принимается декрет о свободе совести, который вошел в историю под названием декрета об отделении церкви от государства. Этот декрет получил следующее определение тогда еще функционирующего собора. 25 января 1918 года поместный собор констатировал:

«Изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения». Патриарх Тихон не скрывает, что власть в стране захвачена откровенно богоборческими силами. В своем обращении этого времени 19 января он говорит о большевиках: «Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и вьявь при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, — совершается в наши дни во всех почти городах и всях нашей отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах. ... Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной. Заклинаем и всех вас, верных чад православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение». В таких словах Святейший Патриарх говорит о совершителях революции в России в то время.

Надо сказать, что большинство православного народа не последовало за патриархом. Более того, страшная статистика появилась в это время. Из людей, которые объявляли себя православными, 99 % перестали подходить к Святым Таинствам, вообще ходить в церковь, забыли об этом как раз в 1917-18 гг. Народ отвернулся от церкви, большинство злодеяний, убийств священников и епископов, которые начались сразу же после большевистского переворота. Первые убийства священников произошло 31 октября 1917 года в Царском Селе, первой жертвой стал священник Иоанн Качуров, который уже давно прославлен в лике святых. Эти убийства свершались руками простых русских людей — солдат, матросов.

В конце января 1918 года в Киев был убит Киевский митрополит Владимир, один из лучших архиереев Русской церкви. Бывший Питерским митрополитом он решительно выступал против Распутина и за это был сослан царем на киевскую кафедру незадолго до революции. Он был убит матросами, убит в центре Киева, рядом с Киево-Печерской лаврой. Киев почти миллионный город, эту группу матросов можно было даже не убить, а просто расшвырять. Одних монахов было несколько сотен. Никто пальцем не пошевелинул. Его вывели из монастыря и зверски закололи штыками на глазах у сотен тысяч людей. Это очень характерный знак. За время гражданской войны было казнено, так или иначе, большевиками 8000 епископов и священников по всей России. Иногда зверски, жесточайшим образом, и очень редко это вызывало сопротивление.

Только страдания гражданской войны начали постепенно возвращать людей в церковь. И. Бунин вспоминает в своих записках, Окаянных днях, что он где-то в марте 1918 года еще перед отъездом на юг, в Москве, пошел в церковь и поразился, сколько в церкви плачущих интеллигентных людей. Впервые увидел их в церкви, никогда до этого не ходили. Этот процесс покаяния начался, и он усиливался и продолжался постепенно, медленно и достиг своего апогея, как ни странно, по крайней мере мы его можем констатировать, в 1937 году.

После окончания гражданской войны в 1922 году Ленин и Троцкий принимают решение о более тонком уничтожении церкви. Оказалось, что просто так уничтожить все-таки не получилось. Да, народ в основном отошел от церкви, но произошло некоторая сепарация. Те, кто не отошли, а это сотни тысяч человек, готовы были умирать за церковь. Это показали события конфискации церковной собственности в 1921 году под предлогом борьбы с голодом и вскрытие мощей в 1919 году под

предлогом борьбы с суевериями, когда большевики вскрыли огромное количество мощей по фото и даже киносъемку, показывали, что мощи — это никакие не люди, а одни кости. Это вызвало огромное возмущение. Демонстрации в Москве, в Шуе, они расстреливались из пулеметов большевиками. Но, тем не менее, было ясно, что нужно сделать что-то еще. Ленин отдает тайный приказ о том, что уничтожать реакционных попов (так называли тех, кто сохранили веру в полноте и были готовы идти на защиту веры) и при этом создать управляемую церковь. Эта идея создания управляемой церкви была главной идеей большевиков с 1921-22 года, потому что ясно, что всех людей отвести от веры быстро не удастся и надо создать такую церковь, которая сама будет людей отводить от веры. Это воистину сатанинская и, надо сказать, непростая задача.

Дело в том, что в недрах церкви были разные люди: консервативные, либеральные. Большевики решили сыграть на либерализме некоторых церковных деятелей. Предложили им возглавить церковь, их поддержат, дадут соборы, в т. ч. ХХС, чтобы обновленцы, как их называли, провели собор и обновили жизнь церкви самым радикальным образом: женатый епископат, перевод богослужения на русский язык, отмена постов и т. д. Большинство русских людей, которые действительно ценили обряд, от этой церкви отшатнутся, другой церкви уже не будет, и люди останутся без церкви.

Это начало проводится в жизнь. Обновленческую церковь возглавил формально начальник 6-го отделения секретный сотрудник ГПУ Тучков, а в религиозном плане — запрещенный в служении архиепископ Антоний Грановский, епископ Евдоким Мещерский и клирики Петроградской епархии Александр Введенский и Владимир Красницкий. Они стояли во главе этой церкви, большинство были запрещены за те или иные канонические нарушения. Они создали новую обновленческую церковь. За ней действительно пошло мало людей, но большинство осталось верными своим пастырям. Хотя патриарха Тихона в конце 1918 года уже первый раз арестовывали, многих епископов арестовывают и ссылают в дальние местности, несмотря на это народ не идет за обновленцами. Обновленческие храмы остаются пустыми, где люди понимают, что церковь изменилась.

Временно этот проект был заморожен. После 1922 года начинается НЭП, это попытка, эксперимент создания в советском союзе рыночной экономики при советской власти в политике. Коли рынок, то свободные деньги у крестьян и ремесленников, некоторая свобода жизни восстанавливается. Она восстанавливается и в церкви — минимальная свобода. Вообще, это нэповское время напоминает немного нынешний экономический эксперимент в красном Китае. Надо сказать, он имеет тот же эффект, начинается быстрый экономический подъем. Но большевики испугались, что народ выходит из их подчинения, становится все богаче, особенно крестьяне. И у кого деньги, у того власть — это они знали хорошо, поэтому принимается решение покончить с НЭПом, поработить снова крестьянство экономически, сделать всех людей не свободными тружениками на своей земле, а сделать их наемными работниками государственных полей и мастерских, работающих за зарплату, всех сделать рабами государства. В этом идея переворота в деревне, что на официальном языке было названо коллективизацией, а сами крестьяне называли ВКП(б) — второе крепостное право большевиков.

Для того чтобы этот процесс успешно провести надо было сделать несколько обычных для большевиков вещей. В первую очередь уничтожить всех авторитетных лидеров, вокруг которых могло сплотиться сопротивление отвратительному делу порабощения — никто не хочет становиться рабом — отбирали землю, имущество, скотину, дома — кто ж на это пойдет! Чтобы минимизировать сопротивление, ликвидировали все центры кристаллизации сопротивления. А какой главный центр кристаллизации в деревне. После того как помещиков уже нет, в 1925-26 году издается специальный указ, запрещающий помещикам, которые живут в своих деревнях уже без поместий, просто к ним хорошо относятся крестьяне, им позволяют жить в своих имениях, имеют свой надел и работают на равных правах со всеми. При этом сохраняя европейский уровень культурной жизни, они часто являлись учителями крестьянских детей. Специальными указами запрещалось помещикам в любых

условиях жить в деревнях, где они жили раньше. Хотят крестьяне, не хотят — все должны быть высланы.

Но самым опасным и самым авторитетным является не помещик, а священник. Там где люди верующие, они за священника. А уже немало было решительных священников, которые готовы были жизнь отдать и отдавали ее за народ, за ними пойдут. А уж тем более за монастырем, за игуменом монастыря. Поэтому закрываются все до одного монастыри в 1927-29 гг., проводится массовая кампания арестов духовенства, арестовано порядка 40 тысяч священников и из них 5 тысяч убиты, остальные сосланы. Но этого мало. Патриарх Тихон незадолго до ареста и по всей видимости насильственной смерти, он понимает, что больше из лап большевиков не вырвется, назначает нескольких своих заместителей, которые в случае его кончины или невозможности выполнять свои обязанности, вступают в должность местоблюстителя. Первый это **митрополит Петр Полянский** и другие. Их всех арестовывают, чтобы никакого сопротивления не было.

Одновременно разворачивает кампания за границей, потому что не надо забывать, что после гражданской войны более миллиона русских людей ушло за границу, еще более 600 тысяч осталось за границей в силу изменения границ России — Прибалтика, Финляндия, Польша. Значительная часть людей, это был креативный класс, те, кто боролись с большевиками. Надо было расколоть эмиграцию, в том числе и церковную. Пока еще все подчиняется Москве и Патриарху Тихону формально, его уважают и он глава русской церкви. В 1927 году одного из заместителей местоблюстителя патриарха, **митрополита Сергия Страгородского** освобождают из заключения. Ему предлагают вернуться в Москву, зарегистрировать Синод русской церкви. Все остальные сидят. Почему? Не все документы открыты до сих пор, мы не знаем, но очевидно, что имеет место сговор.

Митрополит Сергей первым делом принимает декларацию, в которой обращается к русским церквям за границей с указанием, что борьба против советской власти — это борьба против отечества и церкви, и поэтому те, кто не хотят сложить оружие в борьбе с советской властью, не могут быть чадами русской церкви. Естественно, очень многие с этим не соглашались, не только миряне, но и священники и епископы. И как раз митрополит **Антоний Храповицкий**, который возглавлял русскую церковь в белых областях и потом ушел с белыми за границу. Он созывает собор епископов за границей в месте Сремски Карловцы, в Югославии, и объявляет о том, что они создают временное независимое от Москвы управление церковью, поскольку Московская церковь фактически подчинилась большевистской власти, вынужденно, не по своей воле, это понятно, но подчиняться ей невозможно. Именно тогда в эмиграции образуется Русская зарубежная церковь, которая существовала долгие годы и совсем недавно воссоединилась с Русской церковью. Формально дипломатическим языком, две церкви МП и РПЦЗ вновь соединились. Это решение, как политизированное, не признал уже известный нам митрополит Евлогий, который в это время возглавлял приходы русской церкви в Западной Европе, он остался в подчинении МП. Но когда начались уже во время коллективизации ужасающие гонения на церковь, закрытие всех монастырей, уничтожение духовенства, митрополит **Сергий Старгородский** объявляет в интервью западному корреспонденту, что никаких гонений нет. Тогда митрополит Евлогий, будучи честным человеком, вместе с архиепископом **Кентерберийским** в **Англии** совершает объединенный молебен русского православного и англиканского духовенства об умирении сердец и прекращении гонений на русскую церковь. За это митрополит Сергей запрещает его в служении за то, что он осуждает свою родину-мать и т. д. В 1930 году митрополит Евлогий выходит из подчинения МП и, чтобы остаться в системе православной церкви, он был опытный канонист, потому что РПЦЗ оказалась в вакууме, просит временно чтобы его европейский церковный округ принял под свою юрисдикцию **Константинопольский патриарх**. Так в 1930 году создается т. н. **Русский экзархат К-польского патриархата**, который существует и по сей день, и кафедральным собором является сейчас как и тогда старинная русская церковь **Александра Невского на Рю Дарю**. Так русская церковь разделилась на 3 части. Небольшая часть русских людей осталась верна МП.

прекрасно понимая, что делает митрополит Сергей. Среди них был такой замечательный богослов как Николай Бердяев. В чем дело? Они говорили: церковь идет крестным путем, митрополит Сергей жжет, но, тем не менее, мы не с ним остаемся, мы со страдающим русским народом. Это тоже была позиция. Её придерживался замечательный русский богослов Н.О. Лосский и его сыновья, в т. ч. В.Н.Лосский.

Между тем митрополит Сергей принимает в 1927 году знаменитую декларацию. Перед этим в 1926 году 23 епископа РПЦ, заключенные в Соловецком лагере, принимают т. н. соловецкое послание к полноте русской церкви и к Сергию, где говорят, что в политической сфере не надо вмешиваться ни во что, но внутренняя жизнь церкви должна быть абсолютно независима от государства. Это соловецкое послание является опытом возможности деятельности церкви в богоборческом государстве. Позже, в последующие 10 лет, почти все эти епископы были убиты, и они, конечно, не учитывали степени ненависти к церкви большевистской власти. Поэтому митрополит Сергей, который объявил себя другом большевистской власти, единственный имел возможность выжить и сохранить институциональную церковь. Он говорил: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Он соединяет себя не с Россией, а с политическим режимом, не с народом, а с правителями. И видимо в этом была его глубокая ошибка. Сам по себе физически митрополит Сергей после этого не арестовывался, жизнь его была терпимой. Но на его глазах была уничтожена русская церковь.

Удивительным явлением веры на Руси была перепись 7 января 1937 года. В эту перепись лично Сталин повелел включить вопрос о вероисповедании, причем вероисповедании не формальном, а по традиции принадлежу, а реальном. Спрашивать у всех людей старше 15 лет верят ли они в Бога, и если да, к какой конфессии они принадлежат. Это была не слепая перепись, были листы с ФИО и адресом, стандартная перепись населения. Эта перепись вошла в историю страны под названием расстрельная перепись по двум причинам. Во-первых, почти всех ее организаторов уничтожили. Результаты были частично уничтожены, частично засекречены так, что о них мы узнали только в 1990 году. А вторая причина в том, что результаты этой переписи явились причиной большого террора, который начался по постановлению ЦК с июля 1937 года.

Что же такого было в этой переписи? Оказалось, что после 20 лет советской власти и богоборческой пропаганды 57 % граждан России старше 15 лет объявили себя верующими. Для сравнения, конечно, это не абсолютно адекватные сравнения, во время выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 года за христианские партии, православные, старообрядческие, лютеранские, проголосовало в общей сложности 1,5 % населения, а за явно богоборческие — большевиков и эсеров — проголосовало 75 % населения. Произошло явное изменение сознания общества под влиянием вот этих страшных гонений. Большинство людей вернулись к вере, среди них было много молодых. Количество молодых было больше среднестатистического среди верующих.

Результаты не замедлили сказаться. Сталин принял решение, что с таким народом нельзя, как он писал Маленкову, мы не сможем освободить пролетариат Европы от капитализма (завоевать Европу) с такой пятой колонной. Принимается решение бороться со всеми остатками эксплуататорских классов и идеологией, с теми недорасстрелянными дворянами, земцами, образованными не принявшими советский режим полностью, и с потомками кулаков и с религией как таковой — не только с православием, с мусульманством, католичеством, лютеранством.

Что касается православных, летом принимается указ о борьбе с врагами советской власти, начинается осуществляться со 2 августа 1937 года, и уже в 1937 году за 5 месяцев было арестовано

136 900 людей, принадлежащих к православному духовенству (это не только священники, но и их жены, дети, активные миряне), из них убито 85 300. Напомню, за весь 19 век и вплоть до начала Первой мировой в России было казнено меньше 2 тысяч человек. Здесь за 5 месяцев только духовенства! А ведь уничтожались и другие группы населения, например, было решено уничтожить всех поляков в России. Катынь это капля в море по сравнению с тем, что было сделано с поляками, проживавшими на территории России. Было убито почти 60 тысяч человек.

В 1938 году арестовано 28 300, из них убито 21 500. В 1939 году арестовано 1 500, убито 900. В 1940 году арестовано 5 100, убито 1 100. В 1941 году арестовано 4000, убито 1 918.

Убийства духовенства продолжались до конца войны, по крайней мере до 1943 года, когда 4 сентября произошла т. н. историческая встреча, о которой надо упомянуть хотя бы двумя словами. Дело в том, что как относились к религии вообще, к православию в частности, естественно было известно пусть и не в таких кошмарных масштабах, все эти цифры мы знаем по результатам расследований А.Н. Яковлева эпохи перестройки и Ельцина, когда архивы были открыты. Но понимали, что творится что-то ужасное. Священство убивают целыми епархиями во главе с епископами. Когда началась война, и Советский Союз волей-неволей был объявлен и стал союзником США и Великобритании, потому что как говорил Черчилль, если Гитлер нападет на ад, мы заключим союз с Сатаной, чтобы спасти Англию. Может, это сомнительное заявление, но он так сказал. Поэтому и Англия и США заключают союз с СССР. Но парламенты этих стран отказываются вотировать эти союзы. Англию бомбят, там сложнее отказаться, а американский конгресс отказался. Чтобы получить ленд-лизингские поставки Рузвельт прямо говорит Сталину, вы должны прекратить гонения на церковь. И он начинает это делать.

Впервые в 1942 году на пасху отменяется комендантский час, разрешается православным спокойно молиться. Начинается секретная подготовка тем же Тучковым новых отношений с церковью. Но церковь должна быть абсолютно поставлена на колени. Уже все убиты, остались те, кто чудом выжил в дальних лагерях и те, кто полностью, как митрополит Сергей, сломались или Алексей Симанский, и полностью поддерживали Сталина. Остальные были или убиты или тихо умирали в лагерях. И вот в этой ситуации Сталин разрешает легализовать церковь. Как разрешение на легализацию происходит встреча.

Еще один момент. Немцы, оккупировав значительную часть советской России, вели себя абсолютно жестоко, но церкви они повсюду разрешали открывать. Открылось в оккупированной части советского союза около 10 000 храмов, народ валил валом в эти храмы. И чтобы как-то показать, что оккупанты разрешают, а мы продолжаем стрелять священников, надо было легализовать церковь.

Стали разрешает восстановить патриаршество и восстановить подконтрольную церковную жизнь. В ответ, в благодарность 3 митрополита, которые участвовали в этой встрече, Сергей, Алексей и Николай Ярушевич, пишут Сталину письмо. Оно очень характерно как отношения церкви и государства в сталинские и послесталинские времена.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Исторический день свидания нашего с великим для всей Русской земли вождем нашего народа, ведущим Родину к славе и процветанию, навсегда останется в глубине сердца нас, служителей Церкви. Мы почувствовали в каждом слове, в каждом обращении, в каждом предложении сердце, горящее отеческой любовью ко всем своим детям. Русской Православной Церкви особенно дорого то, что Вы своим сердцем почувствовали, что она действительно живет вместе со всем русским народом общей волей к победе и священной готовностью ко всякой жертве ради спасения Родины.

Русская Церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь — не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более усиленной работе на благо дорогого отечества».

От лица Русской Церкви приносим Вам великую благодарность.

Да сохранит Вас Бог на многие лета, дорогой Иосиф Виссарионович!

Сравнивая это с теми цифрами, о которых я вам сказал раньше, о которых знали митрополиты, как можно расценить это письмо? Вот в этом модусе жила РПЦ до эпохи Горбачева. И кончился советский период русской церкви только исторической встречей Горбачева с тогдашним патриархом Пименом 29 апреля 1988 года. Тогда Горбачев, будучи неверующим человеком, в соответствии с внутренним убеждением о свободе и достоинстве человека, дал полную свободу русской церкви, обещая и помощь, и всем другим исповеданиям России. Этот огромный и страшный период мученичества, подобному которому не было в истории человечества, закончился именно тогда — 29 апреля 1988 года.

Начался новый, очень сложный, но, слава Господу, не кровавый путь восстановления и общества, и церкви, и души народной. И часть этого процесса восстановления являетесь и вы, учащиеся сегодня и ищущие ответа на те великие вопросы, за которые и жили, и умирали многие поколения ваших предков. Спасибо.